

Ударный крейсер Ультрамаринов «Горе побежденному» быстро скользил сквозь тьму космоса, тусклый звездный свет отражался от его корпуса, густо покрытого шрамами сражений. Это был стройный гигант с готическими очертаниями и выступающими варп-стабилизаторами. Антенна на сводчатой куполовидной башенке командной палубы поднималась из ее центра и шла к мощным плазменным двигателям в хвостовой части корабля.

По обеим сторонам заостренного носа и артиллерийских орудий находились амбразурные входы в за-пусковые отсеки, откуда могли отправляться боевые шаттлы — «Громовые Ястребы» — и управляемые торпеды. По всей своей длине крейсер ошетинился украшенными горгульями артиллерийскими батареями и пусковыми отсеками обычных торпед.

Крейсер «Горе побежденному» был стар. Построенный на верфях Калта почти три тысячи лет назад, он демонстрировал характерные изыски дизайна, присущие кораблестроителям Калта, — изысканные готические арки, окружающие его пусковые отсеки, и летящие контрфорсы кожухов двигателей были верхом изящества.

За свою долгую жизнь ударный крейсер несколько раз пересекал галактику и принимал участие в бесчисленных сражениях с врагами — как с людьми, так и с чуждыми расами. Он воевал и с тиранидами в битве за Макрэйдж, именно «Горе побежденному» уничтожил командное судно изменника Генаса Малкорга, он нанес смертельный удар по кораблю орков «Ловец зла», а совсем недавно разрушил орбитальные защитные сооружения Тресии в Апполионовском Крестовом Походе.

Корпус корабля гордо нес на себе шрамы, которые оставляла на его обшивке каждая схватка. Техножрецы Ультрамаринов с благоговением ремонтировали повреждения, воплощавшие собой славу побед великого духа, что обитал в бьющемся механическом сердце космического корабля.

Командный мостик крейсера представлял собой обширное, обрамленное свечами помещение со сводчатым потолком метров пятнадцать в высоту. Жужжащие блоки светящихся голографических дисплеев и старые рунические экраны тянулись рядами по обеим стенам от приподнятого центрального узла управления — бритоголового получеловека, киборга-сервитора, связанного замысловатой разводкой проводов со всеми управляющими системами корабля. Всю переднюю часть помещения занимал гигантских размеров фонарь наблюдения, сейчас в нем было лишь пустое пространство перед кораблем. Небольшие экраны по углам фонаря кроме объектов, попавших в поле зрения систем наблюдения корабля, отображали текущий курс и скорость судна.

С другой стороны широкий командный узел был разделен на две равные части поперечным пролетом с пультами управления артиллерией и пультами наблюдения, установленными с обеих сторон пролета. Космические Десантники — палубные офицеры, одетые поверх доспехов в простые мантии из холста, — внимательно наблюдали за каждым из пультов.

Рециркулированный воздух был насыщен ароматом воскрешаемого фимиама из кадил, которыми размахивали священники в капюшонах; из ризницы и купола навигатора, располагавшихся позади капитанского пульта управления, доносилось едва слышное пение.

Взгляд командира крейсера был прикован к пульта управления. Рядом с хронодисплеем, показывающим расчетный курс и реальное движение корабля, были представлены оперативные данные по месторасположению крейсера и данные о планете Павонис.

Лорд адмирал Ласло Тибериус из-под тяжелых век окинул взором капитанский мостик — все ли на месте? — и остался удовлетворенным: все идет, как надо.

Тибериус был огромным темнокожим Космодесантником почти четырехсот лет от роду и сражался в космосе почти всю свою сознательную жизнь. Его лицо было усеяно глубокими шрамами, полученными после столкновения с биокораблем тиранидов, который врезался в командную палубу крейсера «Горе побежденному» в самом начале битвы за Сэрс. Адмирал был лыс, и даже кожа на его гладком черепе выглядела изрядно потертой. Рельефная нагрудная пластина его синих доспехов была украшена целой россыпью бронзовых знаков отличия, а в центре ее располагалось золотое солнце с лучами — орден Героя Макрэйджа.

Лорд адмирал Тибериус стоял, сцепив руки за спиной, и критическим взглядом изучал оперативные данные о продвижении крейсера, подсчитывая, сколько понадобится времени, чтобы выйти на орбиту Павониса. Глянув в угол одного из экранов, он с удовлетворением отметил, что его прикидочная оценка почти в точности совпала с предварительными расчетами машины. Почти.

Однако адмирал чувствовал, что его человеческая оценка все-таки была ближе к истине, нежели скрупулезные математические расчеты бездушной машины.

Перед адмиралом за индивидуальными сенсорными экранами работали члены экипажа корабля, исследуя пространство перед крейсером с помощью всевозможных устройств. Тибериус знал, что капитана космического корабля делает настоящим капитаном его команда, как короля делает свита. Вся его знаменитая по всей галактике тактическая проницательность не стоила бы ни гроша, если б адмиралу предоставили неточную информацию или его приказы не исполнялись бы под палубами быстро и без вопросов.

Но Тибериус знал, что под его началом один из лучших экипажей флота Ультрамара. Многократно испытанный в пылу сражений, этот экипаж в любой ситуации действовал согласно приказам адмирала. Крейсер «Горе побежденному» прошел через отчаянные битвы, и его экипаж всегда держался с честью. Отчасти это было благодаря Тибериусу, который требовал, чтобы каждый из экипажа корабля, от младшего матроса до члена командного состава, в любой ситуации соответствовал самым высоким стандартам. Но, с другой стороны, верность и преданность слуг Ультрамаринов, которые Составляли большую часть судовой команды, адмиралу была безграничной.

Они вновь входили в опасную зону, и Тибериус чувствовал в душе знакомое ликование: скоро

пламенный меч возмездия Императора обрушится на его врагов. Много лет минуло с тех пор, когда крейсер «Горе побежденному» в последний раз сражался с эльдарами, и, хотя адмирал ненавидел их со всей страстью фанатика, он вынужден был признать, что в глубине души питает уважение к их военному мастерству и партизанской тактике.

Тибериус знал, что блуждающие по космосу эль-дары редко вступают в сражения корабль на корабль, на равных, разве что при исключительно благоприятных для себя обстоятельствах. Дело в том, что их суда до смешного уязвимы и не обладают практически непробиваемой защитой вакуумных щитов, которую имеют корабли Ультрамаринов. Эльдары полагаются в первую очередь на скрытность и быстроту сближения с целью и уж только после того — на свою нечестивую магию, которая и разрушает наводящие устройства оружия противника. Тибериус хорошо знал, что в большинстве случаев атака эльдаров начиналась с удара по носовым соплам, выводившим из строя маневровые двигатели малой тяги. После этого вопрос, у кого пушки больше, становился чисто теоретическим: корабль эльдаров кружился вокруг своего неповоротливого противника, постепенно разнося того на части.

Однажды Тибериус поклялся, что его корабль ни за что не постигнет столь печальная участь, и клятву свою держал. По крайней мере до сегодняшнего дня.

...Тем временем во мрак космоса в шести часах пути от крейсера «Горе побежденному» зловеще элегантно смертоносный корабль бесшумно выскользнул из тени базы на астероиде. Корабль и вправду был дьявольски красив: его сегментный нос сходил на конус до остроты иглы и был зазубрен; солнечные паруса, походившие на кривые сабли, были грациозно распушены; а искусно сработанные кормовые двигатели обеспечивали кораблю стремительное ускорение. Между кормой и носом судна располагался изящный куполообразный командный отсек, откуда и управлял этим несущим смерть судном его капитан.

Капитан этого столь изящного корабля, носящего имя «Всадник бури», с нескрываемым интересом наблюдал за отраженным сигналом на дисплее перед собой. Наконец-то противник, достойный его мастерства! Корабль Адептус Астартес! Архонт Кешарк из Кабала Расколотого Клинка истомился, устраивая засады на неуклюжих торговцев, обманывая корабли системы обороны и устраивая налеты на первобытные поселения. Кешарку было плевать на богатую добычу, которую приносили ему эти налеты, и даже пытки, коим он так любил подвергать несчастных пленников с захваченных судов, ему наскучили.

Эти детские забавы совершенно не соответствовали его возможностям и талантам.

Тонкие струйки крови засочились из уголков его рта, и Кешарк откинул голову назад, туго натянув безжизненную кожу на череп и застегнув ее неровные края крючками за швы на тыльной части шеи. Мечтая о великих битвах и великих победах, Кешарк уже начал было опасаться, что его договор с кайер-заком был ошибкой.

Но теперь перед его алчным взором замаячила, несомненно, достойная добыча.

Молитва Космических Десантников тихим эхом отдавалась в часовне Четвертой роты, что

находилась тремя палубами ниже командирского мостика крейсера «Горе побежденному». Часовня была просторным помещением с высоким потолком, так что она легко вмещала собравшихся боевых братьев. Отдраенный до блеска, выстланный каменными плитами неф вел к сияющему черному алтарю и деревянному аналою в дальнем конце часовни. В верхней части помещения доминировали витражи изумительных цветов, что многократно усиливало величественность часовни. Каждый витраж размещался в своей листовидной арке, и установленные за ними электрофакелы отбрасывали призрачный свет на собравшихся воинов. Каждый витраж изображал фрагмент долгой истории Империи: Эра Раздора, Эра Отступничества, Обожеествленного Императора и Императора-победителя. Под витражами висели знаки боевого отличия, заслуженные Ротой в дюжине крестовых походов, и каждый из этих знаков являлся свидетельством традиции отваги и мужества, насчитывавшей десять тысяч лет.

Рота стояла по стойке «вольно» в мерцающем свете факелов, глаза воинов были направлены вниз, на гладкий пол часовни. Боевые братья, они читали литанию благодарности Ему, размышляя о своем священном долге перед Богом-Императором.

В часовне воцарилась мертвая тишина, когда окованная железом дверь в дальнем конце нефа распахнулась и внутрь вошли два человека. Космические Десантники как один встали по стойке «смирно».

Капитан Четвертой роты Уриэль Вентрис в развевающейся парадной мантии зашагал по широкому нефу. Капитана вел бледный угрюмый воин в молочно-белом плаще.

Капеллан Четвертой роты Джадд Клозель носил черные доспехи с вычеканенными на них клыкастыми черепами; в тусклом свете электрофакелов мерцали бронзовые и золотые украшения на его панцире и ножных латах. Его шлем в виде грозно ухмыляющегося черепа был пристегнут к ремню рядом с объемистым томом, переплетенным в выцветшую от времени зеленую шкуру орка.

Левой рукой капеллан размахивал дымящимся кадиллом, отчего часовню наполнял аромат благовонных трав и священных масел, смешанный с пьянящими хмельными запахами нагорий Макрэйджа. В правой руке Клозель сжимал крозиус арканум — свое оружие и символ должности капеллана. Крозиус арканум представлял собой жезл, вырезанный из адамантума и увенчанный сияющим золотым орлом, распростертые крылья которого были острыми, как бритва. Другой конец крозиуса венчал ослабившийся череп, почти такой же, как и на шлеме капеллана, разве что в глазницах этого черепа сверкали кроваво-красные драгоценные камни.

Джадд Клозель буквально излучал силу. Он не просто заслуживал уважения, он его требовал. Капеллан выглядел огромным, он был даже крупнее, чем Уриэль, а от его строгого, решительного взгляда не укрывалось ничего. Левый серый глаз Клозеля сурово вглядывался в лица Ультрамаринов в поисках признаков слабости, и в то же время правый глаз капеллана осматривал окружающее сквозь бездушную механику грубо имплантированной мерцающей красной сферы.

Его череп являл бы собой гладко выбритый идеальной формы купол, если бы не мерцающий

серебряный узел на макушке. Полное, покрытое множеством шрамов лицо Клозеля, на котором он соорудил нечто, лишь отдаленно напоминающее улыбку, было обращено к стоящим перед ним Космическим Десантникам.

— На колени! — скомандовал он. Приказ был мгновенно выполнен, и по часовне эхом прокатился лязг бронированных наколенников, одновременно ударившихся об пол.

Уриэль, все это время со склоненной головой двигавшийся за капелланом, выступил вперед, чтобы принять дымящееся кадило и крозиус.

— Сегодня — день радости! — возопил Клозель. — Ибо сегодня нам дарована возможность принести свет Императора во тьму и уничтожить тех, кто окажется на пути Его слуг. Мы пока еще не стали полноценной Ротой, какой были совсем недавно. Многие из наших товарищей, мои боевые братья, нашли свою смерть на Тресии, но мы знаем, что погибли они не напрасно. Они займут свое место рядом с Императором и будут рассказывать истории о своей отваге и чести до последних дней.

Клозель вытянул вперед руку в перчатке, сжал ее в кулак и быстро дважды ударил кулаком по своей нагрудной пластине.

— Demortuisnilnisibonum! — произнес нараспев капеллан, принимая кадило у Уриэля.

После этого капеллан Клозель зашагал от алтаря к преклонившим колени Десантникам, погрузив руку в дымящийся коричневый пепел. Обходя воинов, он чертил на доспехах каждого защитные знаки и ритуальные символы сражения, читая Литанию Непорочности. Покончив с последним Десантником, он повернулся к алтарю и произнес:

— Ритуал Битвы завершен, мой капитан.

— Ты удостоил нас чести, капеллан Клозель. Быть может, ты поведешь нас и в молитве?

— Да, капитан, — отвечивал Клозель.

Выйдя вперед, он поднялся по ступенькам, преклонил колено и поцеловал базальтовую поверхность алтаря.

Поднявшись, он начал нараспев читать слова молитвы, и Ультрамарины склонили головы.

— О Священный Господин Человечества, мы, Твои смиренные слуги, возносим Тебе слова благодарности за этот новый день. Направляя свои силы на благородную битву, мы радуемся возможности, которую Ты даруешь нам, возможности использовать свое мастерство и силы во имя Тебя. Планету Паво-нис изводят вырождающиеся чужаки, она расколота борьбой. По Твоей милости и Твоему благословию Имперская мудрость вскоре снова восторжествует во

имя Тебя. За это мы благодарим и не просим ни о чем, кроме возможности служить Тебе. Мы молимся во имя Твое. Жиллиман, восславь его!

— Да, капитан, — отвечал Клозель.

Выйдя вперед, он поднялся по ступенькам, преклонил колени и поцеловал базальтовую поверхность алтаря.

Поднявшись, он начал нараспев читать слова молитвы, и Ультрамарины склонили головы.

— О Священный Господин Человечества, мы, Твои смиренные слуги, возносим Тебе слова благодарности за этот новый день. Направляя свои силы на благородную битву, мы радуемся возможности, которую Ты даруешь нам, возможности использовать свое мастерство и силы во имя Тебя. Планету Паво-нис изводят вырождающиеся чужаки, она расколота борьбой. По Твоей милости и Твоему благословению Имперская мудрость вскоре снова восторжествует во имя Тебя. За это мы благодарим и не просим ни о чем, кроме возможности служить Тебе. Мы молимся во имя Твое. Жиллиман, восславь его!

— Жиллиман, восславь его! — эхом откликнулись Космические Десантники.

Клозель отошел в сторону, сложив руки на груди, а капитан Уриэль занял его место, встав перед своими людьми. Собираясь впервые обратиться к Роте, он чувствовал себя не в своей тарелке и мысленно винил себя в отсутствии сосредоточенности. Вот уже более века он встречается лицом к лицу с врагами человечества, так неужели теперь он волнуется, обращаясь к Подразделению Космических Десантников?

Уриэль обвел долгим взглядом собравшихся боевых братьев своей Роты, людей величайших из всех живущих в галактике, и в знак особого признания кивнул гиганту, смахивавшему на медведя, — сержанту Пазаниусу. Пазаниус, друг Уриэля с юных лет, продолжал расти духовно и физически даже теперь, когда годы учебы были далеко позади, и сегодня Пазаниус был, безусловно, самым сильным Космическим Десантником Ордена. Еще на заре его обучения техножрецы были вынуждены изготовить для Пазаниуса уникальный комплект доспехов, составленный из доспехов безнадежно поврежденного комплекта Терминатора. Так что неудивительно, что теперь рядом с его огромной фигурой большинство боевых братьев казалось малышами.

Пазаниус незаметно кивнул Уриэлю, и, ощутив поддержку друга, капитан почувствовал, как растет его уверенность. Сержант-ветеран был для Уриэля той скалой, на которую он мог опереться и в бою, и в мирные дни, так что Уриэль с гордостью называл Пазаниуса не просто другом, а другом настоящим.

Чуть позади Пазаниуса капитан увидел величественные, будто изваянные из мрамора, фигуры сержанта Леаркуса и его соотечественника Клиандера. Все они давно переросли детское соперничество и неоднократно спасали друг другу жизни, но друзьями так и не стали, между ними не возникли узы братства, которые оплетали весь Орден.

Уриэля раздражало, что он все еще испытывал трудности в установлении взаимоотношений со своими людьми, по-настоящему опытные офицеры могли быстро найти подход к каждому из своих подчиненных. Вот Айдэус был прирожденным лидером, в сражениях он часто опирался на собственные решения вместо того, чтобы обращаться к священному Кодексу Астартес, написанному самим Робаутом Жиллиманом, да и руководил своими людьми Айдэус с инстинктивной легкостью, и Уриэль находил, что в этом ему с Айдэусом никогда не сравняться. Решив следовать совету Айдэуса быть самим собой, Уриэль отбросил сомнения. Четвертая рота была теперь его командой, и он сделает так, чтобы они это поняли.

— Вольно! — скомандовал он, и воины слегка расслабились. — Все вы знаете меня. Я сражался рядом с большинством из вас более века. Вы знаете меня — я знаю вас, и поэтому я говорю: будем благодарны за данную нам Императором возможность вновь доказать и ему, и примарху свою преданность.

Уриэль медленно возложил руку на эфес меча Айдэуса, подчеркивая тот факт, что прежний капитан Роты передал оружие ему.

— Я знаю, что недолго был вашим лидером, я также знаю, что некоторые из вас предпочли бы, чтобы я вообще не был бы вашим капитаном, — продолжал Уриэль. Он сделал паузу, тщательно подбирая и взвешивая свои слова. — Капитан Айдэус был великим человеком, и самым тяжелым, что мне когда-либо доводилось в жизни, было видеть, как он умирает. Никто не горюет по нему больше меня, но он мертв, а я теперь вместо него стою перед вами. Я нес свет Императора во все уголки этой галактики: я сражался с тиранидами, сжигая корабли-ульи, я убивал грозных воинов Хаоса на планетах, полных невыразимых ужасов, и я побеждал орков в бесплодных ледяных пустынях. Я сражался рядом со многими величайшими воинами Империи, поэтому знайте: я — капитан этой Роты. Я Уриэль Вентрис, Ультрамарин, и я умру, но не обещаю Орден. Мне оказана честь состоять в этом братстве, и если бы я мог выбирать, кого из воинов поставить рядом с собой, я не смог бы выбрать людей лучше, чем те, что состоят в Четвертой Роте. Каждый, кто находится здесь, и каждый из наших почитаемых павших вел себя так, что этим можно только гордиться. Я отдаю честь всем вам!

Произнося эти слова, Уриэль извлек меч Айдэуса из ножен и, отсалютовав, высоко поднял его над головой. Темно-синие кольца энергии, отражая свет электрофакелов, засверкали по всей длине мастерски изготовленного клинка.

Десантники поднялись на ноги и с силой ударили кулаками по нагрудным пластинам панцирей так, что оглушительный гул эхом прокатился по часовне.

— Мы — Ультрамарины! — воскликнул Уриэль. — И ни один враг не устоит перед нами, пока мы верны Императору!

С этими словами капитан прошагал за деревянный аналой и заглянул в инфоблок, искусно вмонтированный в его поверхность. У Уриэля не было необходимости считывать с него информацию: свою боевую задачу он изучил до мельчайших подробностей еще неделю назад, до начала путешествия через вари, но присутствие инфоблока вселяло в капитана уверенность.

— Мы направляемся на планету Павонис, и нам поручено вернуть ее в лоно Империи. Павонис не выполняет своего долга перед Императором. Он не обеспечивает Его тем, что Ему причитается. Чтобы исправить это положение, нам поручена защита эксперта Администратума, который обучит правителей Павониса должному исполнению их обязанностей. Правители Павониса возомнили, будто они неподвластны законам Императора. Вместе мы покажем им, что это не так. Благословен будь, примарх!

— Благословен будь, примарх! — эхом откликнулись Космические Десантники.

Уриэль сделал паузу, сожалея, что ничего не знает об эксперте, которого Десантники должны были охранять. Он даже не познакомился с человеком, которого Марнеус Калгар поручил его защите. До сих пор эксперт проводил время в своих комнатах, и посещали его только люди из ближайшего окружения — помощники, духовные лица и слуги.

Что ж, вскоре ему придется выйти: крейсеру «Горе побежденному» оставался всего день пути до места назначения. Переходя к следующему пункту инструктажа, Уриэль понизил голос:

— Возможно, в результате неспособности лидеров Павониса должным образом приводить в исполнение предписания Императора было допущено возникновение группы, именующей себя Церковь Старых Принципов. Эти еретики развязали кровавый террор, стремясь вернуться к мрачным доимперским временам.

После этих слов по рядам десантников прокатился ропот недоверия, но Уриэль продолжил:

— Они уже убили триста пятьдесят девять слуг Императора и причинили неисчислимый ущерб. Они взрывают Его предприятия. Они убивают Его священников и сжигают Его храмы. Вместе мы остановим их. Благословен будь, примарх!

— Благословен будь, примарх!!!

— Но, боевые братья, планета Павонис страдает не только от зла, творимого еретиками изнутри. Нет, еще больший ужас Павонису несет еретическое вмешательство чужаков. Уже долгие годы эльдары — раса столь надменная, что полагает, будто может безнаказанно опустошать наше пространство и похищать собственность, законно принадлежащую Императору, — свирепствуют в этом районе космического пространства. Вместе мы покажем им, что этого нельзя делать. Благословен будь, примарх!

— Благословен будь, примарх! Уриэль вышел из-за аналая:

— Возвращайтесь в свои отсеки, боевые братья. Отнеситесь с почтением к своему боевому оснащению, чтобы оно смогло защитить вас в дни предстоящих сражений. Да пребудет Император со всеми вами!



— И с тобой, капитан, — произнес Пазаниус, выступив вперед и поклонившись Уриэлю.

Сначала робко, но, видя, что Пазаниус принял Уриэля, воины Роты тоже сделали шаг вперед и поклонились своему новому капитану, после чего покинули часовню.

Пазаниус вышел последним, и, прежде чем двери закрылись за его спиной, он остановился и повернулся к Уриэлю. Капитан Вентрис внимательно посмотрел в его глаза и в знак благодарности кивнул старому другу.

Архонт Кешарк инструктировал своего помощника:

— Вводи основную мощность постепенно и будь готов запустить двигатели-имитаторы по моей команде. — Голос Кешарка механически скрежетал и звучал угрожающе.

— Есть, грозный Архонт.

Кешарк приложил к своей мокнущей шее ароматизированную ткань, отхаркнув кровавую пену в стоявший рядом кубок. Теперь ему становилось трудно даже говорить, и он тяжело сглотнул, в очередной раз призвав проклятие Жизни Тысячи Болей на голову Аздрубаэля Векта.

Гноящиеся раны на шее Кешарка никогда не затянутся. Гомункулус Векта позаботился об этом в камерах пыток под дворцом его кабала. Да, Кешарк до мельчайших деталей спланировал попытку прийти к руководству кабалом, но Вект каким-то образом умудрился пронюхать о его предательстве, и переворот провалился, не успев начаться. Последовали месяцы пыток. Кешарк умолял лишить его жизни, но гомункулус лишь умело подводил его к грани смерти, каждый раз возвращая сознание Кешарка в ад бесконечной боли.

Он ожидал, что там и умрет, но Вект приказал, чтобы Кешарка освободили и вновь пришили кожу к тому, что осталось от его мускулатуры. Кешарк помнил, как всякий раз, когда к нему возвращалось сознание, он видел над собой улыбающееся, жестокое лицо Векта. Он пытался закрывать глаза, чтобы не видеть злорадной улыбки, но веки его были аккуратно срезаны, так что физическая пытка становилась еще и пыткой духовной.

— Ты надеешься умереть здесь? — вопрошал верховный повелитель Кабала Черного Сердца. И всякий раз, не дождавшись ответа, лорд темных эльдар медленно качал головой и продолжал: — Нет, ты не умрешь. Я не сделаю тебе такого подарка, — мстительно обещал Вект, проводя своими идеально наманикюренными ногтями по оголенным беззащитным ребрам Кешарка. — Ты был тщеславным дурнем, Кешарк, ты открыто похвалялся, что сможешь расправиться со мной. Ведь ты не мог не знать, что мои шпионы есть повсюду и они обязательно передадут мне все, что ты скажешь, прежде чем твои глупые слова замрут в воздухе. — В этом месте Вект обычно вздыхал, словно был в большей степени разочарован, нежели разгневан. — Предательство и обман я могу понять и даже простить. Но глупость и некомпетентность меня просто раздражают. Тебя погубили патологическое тщеславие и необузданное самомнение, и я нахожу весьма уместным, что они будут постоянно сопровождать тебя в твоём провале. Я изгоню тебя из Комморрага, вышлю из нашего темного города, вышвырну в пустыню к

хищникам!..

Кешарк не верил тогда Векту, думая, что эти слова были лишь изощренной уловкой, целью которой было возродить надежды Кешарка на жизнь, чтобы потом вдребезги разбить эти надежды. Вект был мастером на такие изощренные издевательства. Но Вект не солгал. Не прошло и недели, как Кешарк и немногочисленные выжившие члены его кабала медленно поползли из Комморрага в бесчестье и унижении. Кешарк поклялся отомстить дому Аздрубаэля Векта, но его прежний господин лишь посмеялся, и звуки его веселья огненными бичами до сегодняшнего дня хлестали душу Кешарка. Но скоро, скоро Вект перестанет смеяться — Кешарк вновь подумал о добыче, которая ожидает его, как только он перехитрит глупого кайерзака. Однако сперва он должен разобраться со вновь возникшей угрозой его тщательно выстроенному плану.

Убийство было уже так близко, что Кешарк почти ощущал кровь Космических Десантников на своих вялых губах. Он поднялся с командирского кресла и направился к главному экрану; движения Кешарка были гибкими, как у танцора, несмотря на то, что кожа на его теле болталась рваными лохмотьями. Сегментированные зеленые Доспехи Кешарка сияли, как отполированный нефрит, подчеркивая бледность его лица. Безжизненные белые волосы с темно-лиловыми прожилками струились по его плечам, удерживал их малиновый ободок над бровями. Кешарк увлажнил рафинированным спреем из крошечного пульверизатора свои глаза, лишенные век, и принялся изучать открывшийся ему вид.

У ног Кешарка заскользила лязгающая стайка нелепых существ, сконструированных из сшитых из случайных кусочков плоти, которые вместе составляли вздымающуюся массу острых как бритва челюстей и клыков. Это были экскренты — любимцы Кешарка, обязанные своим существованием прихоти главного гомункулуса. Экскренты толпились у ног своего хозяина, шипя в бессмысленной злобе сквозь желтые ядовитые клыки на все, что осмеливалось приблизиться.

Тем временем добыча была почти уже в зоне поражения, и возбуждение Кешарка стало нарастать. Его сердце бешено заколотилось, когда он представил, какую боль причинит этим воинам. Уголки его рта подергивались в предвкушении, а пальцы дрожали при одной мысли о предстоящих пытках. Кешарк решил, что одного из Космических Десантников он оставит в живых — как своего баловня. Наблюдая за тем, как его товарищей будут медленно резать на куски, постепенно скармливая их тела экскрентам, этот Десантник будет хныкать в непрерывной боли.

— Грозный Архонт, корабль-жертва вошел в зону досягаемости орудий! — прошипел наконец помощник Кешарка.

— Великолепно! — Кешарк улыбнулся из-под своей кожи. — Приведи оружие в состояние боевой готовности и наладь двигатели-имитаторы.

Вражеский корабль все еще был слишком далеко, чтобы разглядеть его на экране, но Кешарк уже физически ощущал его близость. Он вернулся в командное кресло и нетерпеливо извлек из ножен топор. Ему нравилось поддразнивать ониковое лезвие топора, совершая очередное

убийство, тем самым поддерживая в душе топора жажду крови.

— Сделай так, чтобы солнце было у нас за спиной, а сами мы оказались у него справа по борту,  
— приказал Кешарк и любовно погладил лезвие оружия.

— Разрешите подняться на мостик, лорд адмирал?

Тибериус отвернулся от пульта и, увидев двух мужчин в мантиях, стоящих у входа на командирский мостик, попробовал скрыть раздражение. Штатские на его мостике — этого он всегда старался избегать, но этот эксперт имел при себе высшую печать Администратума, и отказать ему в просьбе было бы по меньшей мере невежливо.

Тибериус кивнул в знак согласия и спустился со своего помоста, а те двое начали подниматься на командирский мостик, неловко шаркая ногами по ступенькам трапа. Один из них был почтенным старцем; он шел, опираясь на трость из слоновой кости; второй же мужчина был человеком лет сорока с непримечательным лицом и вкрадчивыми манерами. Тибериус про себя отметил, что этот штатский похож на любого другого безликого эксперта Администратума, по крайней мере из тех, с кем ему доводилось встречаться.

Тот, что постарше, выглядел совершенно равнодушным, но второй определенно излучал энтузиазм.

— Премного благодарен, лорд адмирал. Очень любезно с вашей стороны позволить нам подняться на мостик — вашу святая святых. Очень любезно.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас, эксперт Барзано? — спросил Тибериус, уже утомленный бурным потоком витиеватых слов, изливаемых Барзано.

— О, прошу вас, лорд адмирал, зовите меня просто Арио, — ответил Барзано со счастливым видом. — Мой личный помощник Лортуэн Перджед и я просто хотели увидеть мостик вашего великого звездного корабля до того, как мы прибудем на Павонис. К сожалению, мы пока были очень заняты, так что у нас до сего момента не было возможности полюбоваться тем, что нас окружает.

Барзано подошел к обзорной панели, на которой в тот момент было изображение крохотного диска Павониса и сияющего шара его солнца. Мимоходом Барзано осмотрел несколько станций, управляемых сервиторами. Он обернулся и жестом пригласил Тибериуса и Лортуэна Перджеда следовать за собой.

Помощник пожал плечами и направился за своим господином, который склонился над мониторинговой станцией, размахивая рукой перед бесцветным и лишенным всяческого выражения лицом сервитора. Лоботомированное существо не обращало на эксперта ни малейшего внимания, его кибернетически измененный мозг был даже не в состоянии зафиксировать его присутствие.

— Восхитительно, совершенно восхитительно! — заметил Барзано, когда Тиберий подошел к нему. — А что делает это?

Сдерживая раздражение, Тиберий произнес:

— Эта станция следит за изменениями температуры в активной зоне плазменного двигателя.

— А это?

— Регулирует устройства рециркуляции кислорода на оружейных палубах.

Не дослушав, Барзано направился по сводчатому трансепту — поперечному нефу — к наблюдательным станциям, где офицеры — Космические Десантники — работали рядом с неподвижными сервиторами.

Несколько лиц повернулось к Барзано, когда тот вошел, на что он покачал головой:

— Не обращайтесь на меня внимания, словно меня здесь нет.

Барзано встал над обрамленным камнем столом прокладки курса в центре комнаты и, положив локти на его край, принялся за изучение огромного количества оперативной информации, выводимой на вмонтированный в стол инфоблок.

— Это поистине восхитительно, лорд адмирал, поистине восхитительно! — повторил Барзано.

— Благодарю вас за проявленный интерес, эксперт Барзано, но...

— Арио, прошу вас, Арио.

— Прошу вас, эксперт Барзано. — Тиберий словно не заметил замечания. — Это военный корабль, это не...

— Лорд адмирал, — прервал его Филотас, палубный офицер Тиберия.

Так и не договорив, Тиберий поспешил к сложному нагромождению рунных дисплеев, за которыми работал офицер.

— У тебя что-то есть?

— Новый контакт, лорд адмирал. В шестидесяти тысячах километров впереди нас, — доложил

Филотас, руки которого продолжали порхать над пультом, а глаза — всматриваться в показания прибора. — Я только что обнаружил выброс плазменной энергии на мониторах средней дистанции.

— Что это? — быстро спросил Тибериус. — Корабль?

— Полагаю, да, лорд адмирал. Координаты — ноль-три-девять.

— Идентифицируй его: класс и тип. И выясни, как ему удалось подойти так дьявольски близко, а мы до сих пор этого не замечали!

Филотас кивнул и вновь склонился над пультом. Арио Барзано изучил оперативные данные на центральном столе и указал на пятнышко на экране, которое и представляло неизвестный контакт. Рядом с ним на экране шли ряды чисел — исчерпывающий комплекс информации о неизвестном судне.

— Это и есть контакт? — заинтересовался Барзано.

— Да, эксперт Барзано, именно он, — выпалил Тибериус. — Но у меня сейчас нет времени обучать вас тонкостям управления кораблем.

— Лорд адмирал! — раздался голос Филотаса. — Я идентифицировал характерные черты двигателя неизвестного контакта.

— Лорд адмирал, — произнес палубный офицер. — Это «Отважный» — корабль системы обороны Павониса.

— Цель приближается к дистанции поражения, грозный Архонт.

Кешарк провел языком по зубам, ощутив соленый привкус свернувшейся между зубами крови, и вздрогнул от едва сдерживаемого возбуждения. Да, эти дурни заглотили наживку, поверив, что «Всадник бури» — один из их кораблей.

— Переключи основную мощность на ланс-бата-реи и держи ее в резерве. Я хочу сокрушить их одним залпом. Пусть первый же удар станет смертельным!

— Есть, грозный Архонт.

Тибериус вернулся за капитанский пульт и отдал приказ связистам:

— Установить контакт с «Отважным» и передать его капитану мои наилучшие пожелания.

— Есть, лорд адмирал.

Капитан крейсера «Горе побежденному» всматривался в обзорную панель, надеясь увидеть на ней очертания корабля системы обороны, но пылающая корона звезды в центре планетной системы не давала ему возможности видеть практически ничего. Тибериус вновь повернулся к контрольному пульта и почувствовал, как нервы его напряглись до предела, лишь только он заметил, что Барзано склонился над кабиной ввода информации одного из банков данных его корабля.

— Эксперт Барзано! — позвал Тибериус.

Эксперт, напряженно вглядываясь в инфоблок перед собой, ничего не ответил и только жестом показал, что занят. И тут Тибериус решил, что с него достаточно. Будь это эксперт наивысшего уровня допуска или кто другой — никто еще не проявлял такого неуважения к командиру звездного корабля. Тибериус спустился с командирского помоста, и тут Барзано внезапно бросился ему навстречу.

— Лорд адмирал! Поднимите вакуумные щиты и приведите корабль в боевую готовность! — приказал Барзано. На этот раз его голос был полон власти.

Тибериус сложил руки на своей огромной груди и посмотрел сверху вниз на напряженное лицо эксперта:

— И с чего бы я должен все это сделать, эксперт Барзано?

— Потому, — настойчиво зашипел Барзано, — что в соответствии с данными архивов флота «Отважный» был уничтожен со всем экипажем пять лет назад, лорд адмирал.

И тут Тибериус почувствовал, как кровь, отхлынула от его лица: он осознал последствия и масштаб опасности, которой подвергался его корабль и экипаж.

— Право руля! Резко вправо! — крикнул он. — Поднять вакуумные щиты и увеличить подачу энергии в передние маневровые ускорители!

— Огонь! — скомандовал Архонт Кешарк, увидев, как массивный нос корабля Космических Десантников начинает поворачиваться к ним. Судно вздрогнуло, когда передние ланс-батареи метнули смертельные импульсы темной энергии навстречу жертве. Энергетические импульсы покрыли расстояние в мгновение ока. Видеоэкран вспыхнул, когда колоссальная энергия ударила по крейсеру и взорвалась с невероятной силой.

Яркий ореол вспыхнул вокруг «Горя побежденному», лишь только первые сгустки энергии ударили в вакуумные щиты судна. Следующие энергетические заряды обрушились на бронированный нос корабля, и над поврежденным корпусом крейсера встали столбы огня и

воспламенившегося кислорода.

Эффект от воздействия поистине огромной разрушительной силы на столь близкой дистанции — не часто увидишь такое зрелище. Оно воодушевляло, и Кешарк взревел, торжествуя.

Хоть для приборов наблюдения расстояние все-таки было велико, Кешарк видел, что разрушения, вызванные импульсными копьями, были чудовищными. Листы адамантума метровой толщины отслаивались от корабля, как алюминиевая фольга, и покореженная стальная арматура безвольно свисала с раскуроченной носовой секции, куда был нанесен главный удар. Струи замерзающего кислорода кристаллизывались, вырываясь из треснувшего корпуса, противовзрывные двери безуспешно пытались остановить разрушение корабля. Кешарк знал, что при первом ударе должны были погибнуть сотни Десантников и многие вскоре последуют за ними, вопя, как грешники в аду, когда их отсеки неожиданно вырвутся в открытый космос.

Кешарк хохотал.

— Подведи нас ближе и полукругом обойди их сзади, — приказал он. — Выведи из строя их двигатели.

Когда чудовищной силы взрыв обрушился на корабль, мостик крейсера накренился, сбивая с ног командный состав, и тут же за первым взрывом последовали новые — на мостике они воспринимались как глухие тяжелые удары.

Зазвенели колокола тревоги, командирский мостик залило красным светом. Аварийные команды сражались с пожарами и занимались ранеными, а из разрушенных трубопроводов и мониторов вырывались пар, дым и языки пламени. Десятки сервиторов упали со своих кресел бездыханными.

Тибериус поднялся с палубы, на его щеке сочился бурой кровью глубокий порез. Мужество не покидало адмирала ни на мгновение, а кровь на его щеке свернулась за считанные секунды, и Тибериус воскликнул:

— Информацию о повреждениях! Немедленно!

Он бросился к станции управления артиллерией, выдернув из-за пульта сервитора наведения. Сервитор был мертв, его бледная плоть обгорела дочерна, кнопки управления разбиты. Компьютеры работали, определяя степень полученных повреждений, но Тибериус уже понимал, что повреждения они получили огромные. Рана пока несмертельна, но положение очень серьезное.

— Вакуумные щиты перегружены и поврежден корпус от седьмой до девятой палубы! — выкрикнул палубный офицер. — Потеряна связь с носовыми артиллерийскими орудиями, есть попадание в главный пусковой отсек. — Все это офицер выпалил на одном дыхании. Сделав

паузу, чтобы вдохнуть воздух, он продолжил: — Но нам повезло: последние несколько взрывов нас только поцарапали, лорд адмирал. Ваш поворот в огонь спас нас.

Тибериус хмыкнул, понимая, что похвала сейчас не только неуместна, но и недостойна его ошибки. Адмирал молча повернулся к командному пульта. Предупреждение Барзано прозвучало как раз вовремя, и именно оно спасло корабль. Щиты едва успели подняться, как крейсер сотряс удар коварного противника.

Теперь Тибериусу оставалось только смотреть на обзорную панель, злясь на самого себя за то, что его смогли провести как мальчишку. Адмирал наблюдал, как черное судно с плавными обводами, изящным главным парусом, колышущимся на солнечном ветру, на мгновение выскользнуло из маскирующего сияния солнца и исчезло из вида за правым бортом «Горя побежденному».

— Эльдар, мать его! Откуда же, о девять кругов ада, появился этот корабль? Как, во имя Жиллимана, ему удалось одурачить все системы наблюдения крейсера?

— Центр наблюдения! Дайте мне полный увеличенный обзор локальной зоны. Скажите, во имя священной Терры, что там происходит! Батареи правого борта — залп!!!

Филотас кивнул, поспешно передавая приказы лорда адмирала.

— И кто-нибудь, прекратите этот проклятый колокольный звон!

На мостике неожиданно воцарилась тишина — мертвая после того, как колокол ризницы умолк. Теперь были слышны лишь шипение поврежденных машин, потрескивание искр и стоны поврежденных сервиторов. Адмирал ощутил вибрацию — то батареи правого борта открыли огонь, но без должного управления артиллерией они вряд ли сумеют поразить противника.

Тибериус рукавом стер со лба запекшуюся кровь. К капитанскому пульта подходил, пошатываясь, Арио Барзано, поддерживая согнувшегося помощника. У Перджеда шла кровь из раны на голове, но рана была неглубокой, поэтому, устроив раненого помощника на трапе, ведущем в часовню, Барзано бегом вернулся к пульта наблюдения. Тибериус прокричал эксперту:

— Благодарю, эксперт Барзано, за предупреждение! Оно прозвучало как раз вовремя.

Затем Тибериус повернулся к пульта, пытаясь получить оттуда оперативные данные, но дисплей был забит устаревшей информацией, а системы наблюдения получали десятки возвратных сигналов. Проклятая чуждая магия! Любой из них мог оказаться налетчиком эльдаров.

Он должен спасти свой корабль, но как это сделать при такой недостоверной информации?



Однако плохое решение все же лучше, чем никакого решения.

— Право руля до отказа и огонь из всех батарей! Мы должны убраться от этого ублюдка хоть на какое-то расстояние! Нам нужно место для маневра.

— Нет, лорд адмирал! — запротестовал Барзано из-за стола с оперативными данными. — Я полагаю, что мы имеем дело с кораблем темных эльдаров. Я читал о таких судах, и мы не должны удаляться от него.

Тибериус заколебался, он не привык, чтобы ему противоречили на мостике его же корабля, но эксперт до сих пор оказывался прав и, казалось, больше знал о возможностях вражеского судна.

— Спасибо за совет, эксперт Барзано. У нас мало времени, что будем делать?

— Мы должны сблизиться с противником, направить на него огневой вал и надеяться, что удачно пробьем его гало-поля.

— Делай, как он говорит! — выпалил Тибериус своему офицеру-рулевому. — Запускай левые маневровые двигатели малой тяги и ложись на новый курс: ноль-девять-ноль!

Кешарк смотрел, как на экране перед ним поврежденный корабль вращается вокруг своей оси. Разорванный нос крейсера неожиданно быстро повернулся, и, заметил вдруг Кешарк, корабль стал стремительно приближаться. Архонт громко выругался, осознав, что кто-то на борту того судна, должно быть, хорошо знаком с возможностями его корабля.

Кешарк закричал, указывая рукой на экран:

— Держите нас позади этого мерзавца, будь прокляты ваши души!

И в тот же миг мостик качнулся — это раздались залпы батареи тяжелых орудий крейсера. Артиллеристы «Горя побежденному» не могли установить местоположение противника, но при столь большой огневой мощи рано или поздно их залпы достигнут цели. А «Всадник бури» строился не для того, чтобы выносить такое жестокое обращение.

Крейсер «Горе побежденному» не собирался сдаваться, он искал и использовал любую возможность, чтобы сделать ответный ход на равных. Да, в этой битве мог быть только один победитель.

— Носовые торпедные отсеки готовы, грозный Архон!

— Полный разброс! — завопил Кешарк. — Огонь!!!

— На подходе торпеды, лорд адмирал! — предупредил Филотас.

— Будь они прокляты Императором! Лево руля до отказа! Оборонительным орудийным башням открыть огонь!

— Бортвыми батареями захватить цель — место выхода торпед — и огонь! — выкрикнул Барзано.

— Делайте, как он сказал! — подтвердил приказ эксперта Тибериус.

Мостик сильно качнуло, и Тибериус ухватился за командирский пульт, когда крейсер стал разворачиваться в обратном направлении.

Шесть торпед стремительно неслись к крейсеру, вражеская система нацеливания создала искаженное поле, которое сильно затрудняло их перехват. Но на столь близком расстоянии и при движении сквозь такой плотный огонь было неизбежно, что некоторые торпеды к цели не пробьются. Две взорвались, когда артиллеристы поразили их. Еще одна торпеда была введена в заблуждение радиацией, сигналы которой исходили из поврежденного носа крейсера, и промчалась под кораблем, не причинив ему вреда. Однако три последние торпеды все-таки приближались к крейсеру, оказавшись в поле действия средств его ближней обороны.

— Три торпеды ликвидированы! — хрипло выкрикнул Филотас.

— Стало быть, еще три остались! — заметил Тибериус. — Убрать их!

— Ближние оборонительные орудийные башни сейчас нацеливаются!

Гигантская обзорная панель отражала мрак космоса, расчерченный яркими мазками взрывов и ледяными инверсионными следами приближающихся торпед. Вся команда мостика видела мчащиеся на них торпеды, и каждый из Десантников кожей ощущал, как их боевые головки нацелены прямо меж его глаз.

Кто затаил дыхание, а кто возносил молитвы Императору, когда последняя линия обороны крейсера открыла огонь.

Каждая орудийная башня ближнего боя управлялась сервитором, оснащенным собственными средствами слежения, которые позволяли ему вести независимое наблюдение за торпедами по мере того, как те приближались. Торпеды хоть и были запрограммированы на маневры уклонения, но на заключительной стадии полета они все-таки были уязвимы. Когда торпеды начали последний сбор данных о расположении цели перед решающим ударом и их скорость уменьшалась настолько, что уклоняться от контрудара противника эффективно они не могли, одна из них разрушилась под градом снарядов высокоскоростной пушки.

Единственный снаряд, выпущенный из оборонительной пушки, задел другую торпеду.

Скользкий удар оказался недостаточно сильным, чтобы уничтожить торпеду, но сбил настройку ее внутреннего гироскопа. Теперь система наведения торпеды полагала, что крейсер находится прямо над ней, и изменила курс ее движения, так что торпеда взмыла вверх почти на триста километров, прежде чем взорвалась. Последняя торпеда успешно завершила свой маневр и теперь приближалась, готовясь нанести смертельный удар.

Все пушки крейсера перенесли огонь на нее, и на расстоянии меньше двухсот метров они настигли эту торпеду. Сотни снарядов врезались в ее стальное тело, которое взорвалось, превратившись в огромный шар огня и шрапнели. Однако горящие осколки, продолжая двигаться с невероятной скоростью, врезались в корпус крейсера, начисто сметая с него огневую башню ближнего боя, срезав антенну наблюдательного устройства и разрушив большое число наружных скульптур.

Торпедная атака закончилась.

Тибериус оперся о пульт, наблюдая за тем, как гибнет последняя торпеда. Более приятное зрелище трудно было себе представить. У членов экипажа, стоявших в этот момент на мостике, вырвались вздохи облегчения, смешанные с пламенными молитвами благодарности.

— Прекрасно, лорд адмирал. Мы сделали это, — вздохнул и Барзано. Лоб эксперта покрывали крупные капли пота — видно было, что он изрядно ослабел, и теперь, когда опасность миновала, руки его слегка подрагивали.

— На сей раз да, Арио. — Тибериус впервые назвал Барзано по имени. — Нам повезло, но давай пока не будем торопиться распечатывать вино победы. — Он крикнул своему палубному офицеру: — Что там с нашим ответным огнем?

— Как раз настигает их, — ответил Филотас.

— Отлично, — процедил сквозь зубы Тибериус, и на губах его заиграла злая усмешка. — Пришла пора показать, что у нас все еще остались зубы.

Кешарк не верил собственным глазам: торпедная атака была отражена! Последствия такого поворота событий были просто невообразимы. Пока он размышлял над этим и, главное, над вопиющей несправедливостью того, что произошло, мостик под Кешарком предательски накренился, швырнув эльдара наземь. От близких разрывов корабль затрясло. Огни на пульте замигали, из поврежденной аппаратуры повалил дым.

— Грозный Архонт, в нас попали! — крикнул его помощник.

— Да уж, благодарю за непревзойденную проницательность, весьма кстати, — усмехнулся Кешарк. — И если меня убьют, будь добр, обрати на это свое драгоценное внимание. Как сильно мы повреждены?

Темный эльдар поднялся на ноги. Кусок колеи свисал с его горла, открывая взглядам подчиненных влажно поблескивающую трахею. Он раздраженно закинул лоскут кожи на плечо, а подчиненные помчались выполнять распоряжения командира.

В следующую минуту на Кешарка обрушился вал информации, и каждая последующая новость была убийственнее предыдущей.

— Гало-поля остались без энергии!..

— Поврежден главный парус и срезаны оттяжки некоторых канатов!..

— Нарушена целостность корпуса на пыточной палубе!.. Все заключенные мертвы!

Кешарк понял, что бой для него уже закончен. Лишенный защиты галополей, «Всадник бури» оказался слишком уязвим и теперь стал легкой мишенью для артиллеристов противника. Противник действительно оказался достойным, добыча превратилась в охотника, и больше Кешарк не допустит ошибки, недооценивая этого противника. Не допустит, если...

— Выходим из боя! — приказал он. — Мы вернемся в нашу берлогу и займемся ремонтом корабля. Эта добыча подождет другого дня.

— Выходим из боя! — приказал он. — Мы вернемся в нашу берлогу и займемся ремонтом корабля. Эта добыча подождет другого дня.

— Эльдарское судно отступает! — радостно крикнул Филотас, и Тибериус, отвернувшись, облегченно вздохнул.

— Очень хорошо, — произнес он. — Берем курс на Павонис. Когда окажемся в зоне безопасной связи, проинформируйте управление флота о способности эльдаров выдавать себя за имперские суда.

— Есть, лорд адмирал.

Тибериус потер мозолистой рукой свой череп. Эльдар застал их врасплох и преподавал хороший урок. Этот урок смирения стоил дорого, но был хорошо усвоен. Постучав по столу, адмирал назначил себе в наказание тридцать вечеров поста и тактических занятий — за свою неспособность предвидеть нападение. Приняв это решение, Тибериус спустился на развороченный командный пункт.

Арио Барзано сидел на корточках у основания помоста, стирая кровь с брови Перджеда, и улыбнулся, когда Тибериус преклонил перед ним колени.

— Отлично, лорд адмирал. Ваш быстрый маневр спас нас.

— Давайте не будем преувеличивать мои заслуги и преуменьшать ваши, эксперт Барзано...

— Арио.

— Очень хорошо... Арио. Если бы не ваше предупреждение, мы все уже были бы мертвы.

— Возможно, — согласился Барзано. — Но я уверен, вы очень скоро сами бы догадались, что они замышляют.

При этих словах эксперта Тибериус скептически поднял бровь и заметил:

— Как это получается, что штатский чиновник Администратума знает о вражеских судах так много?

Барзано хитро улыбнулся:

— Я много где побывал, Ласло, встречал много интересных людей, и я хороший слушатель. Я учусь везде и у всех. — Он пожал плечами и продолжил: — По роду службы я часто сталкиваюсь с информацией, доступной лишь немногим, и стараюсь все запомнить. Но послушайте, лорд адмирал, настоящий-то вопрос не в том, как я что-то узнал, а в том, как наши враги выяснили, где нас найти. Я полагаю, что вы привели нас сюда путем, лежащим в стороне от проторенных маршрутов.

— Разумеется. Барзано поднял брови:

— Тогда как же они узнали, что мы окажемся здесь? Я сообщил только губернатору Павониса.

— Вы подозреваете, что она в союзе с эльдарами?

— Мой дорогой лорд адмирал, я бюрократ. Я подозреваю всех, — рассмеялся Барзано, но тут же лицо его вновь обрело серьезное выражение. — Но вы правы, вопрос о преданности губернатора — один из многих, которые меня беспокоят.

Не успел Тибериус задать очередной вопрос, как Лортуэн Перджед, застонав, поднес ко лбу руку, покрытую пятнами крови. Барзано помог ему подняться на ноги и коротко поклонился Тибериусу:

— Лорд адмирал, извините, но мне нужно отвести Лортуэна к. своему врачу. Во всяком случае посещение вашего мостика было для нас очень познавательным. Нужно будет как-нибудь

повторить его, вы не против?

Тибериус кивнул, не зная, как следует относиться к этому говорливому эксперту. Чем больше он рассуждал о случившемся, тем ближе подходил к мысли, что Барзано ожидал атаки на крейсер «Горе побежденному». Почему же иначе он появился на мостик именно в этот момент, появился единственный раз за все время путешествия? А когда внезапно разразился смертельный бой, Барзано четко сориентировался на мостике корабля. Странно все это...

«Какие еще сюрпризы ожидают меня в этом путешествии?» — угрюмо размышлял адмирал.

5

В операционной, представлявшей собой восьмиугольную комнату без окон, было холодно, дыхание присутствовавших в ней облачками белого тумана повисало в воздухе. Двое ответственных за операцию плавно и грациозно перемещались в полумраке палаты. Освещение поддерживалось на минимальном уровне, поскольку глаза Хирурга были непривычны к яркому свету и многие считали, что так или иначе, но наилучших результатов он добивался в почти полной темноте.

К полу в центре палаты был привинчен гофрированный металлический стол, окруженный загадочными устройствами, увешанными скальпелями, длинными иглами и пилами для кости. Третий из присутствовавших в палате — обнаженный мужчина — неподвижно лежал на холодной поверхности стола. Никаких механических приспособлений, удерживающих его на месте, не было, только наркотики.

Хирург ввел их как раз столько, сколько нужно для достижения именно такого эффекта, и в то же время не так много, чтобы тот в ходе операции вообще ничего не почувствовал.

Где же искусство, если удостоенный чести не сможет ничего почувствовать?

На Хирурге был красный халат, на руки он натянул толстые прорезиненные перчатки, пальцы которых оканчивались изящными скальпелями и прочими поблескивающими хирургическими инструментами. За его изощренными приготовлениями из полумрака наблюдала помощница; на ее лице читались почтительность и вялая скука одновременно.

Она уже не раз наблюдала за работой Хирурга и видела, сколь велико его мастерство. Да, Хирург делал вещи поистине поразительные, но помощницу больше интересовало собственное наслаждение. Хирург кивнул ей, и она, обнаженная, быстрыми шагами на цыпочках пошла к столу; на полных красных губах женщины заиграла плотоядная ухмылка.

Ухватившись за края стола, она оттолкнулась вперед и вверх, медленно поднимая ноги, пока не приняла вертикальное положение. Она прошла на руках над распростертым мужчиной, затем взвилась в воздух, развернувшись при спуске так, чтобы опуститься, раздвинув ноги, на неподвижно лежащее тело.

В глазах пациента она заметила недоумение и даже страх, вызванный этой столь странной процедурой, и про себя помощница Хирурга улыбнулась. Именно этот страх всегда возбуждал ее. Возбуждал и отталкивал. Подумать только, этот человеческий самец может вообразить, что она, изучившая тысячу девять Наслаждений Тьмы, может на самом деле получать от этого удовольствие. Осознав, что действительно наслаждается, она отчасти наполнялась ненавистью к самой себе и лишь усилием воли удерживала себя от того, чтобы, вонзив ядовитые когти в умоляющие глаза мужчины, не добраться до его мозга. Она содрогнулась — мужчина ошибочно принял это за возбуждение — и, наклонившись вперед, провела языком по его груди, ощущая, как напрягаются его соски. Дойдя до шеи, она слегка прикусила кожу, пронзив ее своими заостренными зубами, и ощутила горьковатый привкус его плохой крови.

Мужчина застонал, когда ее зубы двинулись вверх по его лицу, покусывая его вдоль линии челюсти. Длинные кроваво-красные ногти женщины блуждали по его ребрам, оставляя после себя отвратительные дымящиеся следы. Ее бедра сжались над его чреслами, и она поняла, что он готов. Кровь звенела в его податливых жилах.

Бросив взгляд через плечо, она кивнула Хирургу. Хотя человек и не мог двигаться, она ощутила, как в нем нарастает ужас. Женщина изящно перепрыгнула через его голову, приземлившись позади стола с грацией гимнастки, и сплюнула на пол кровь, покрывавшую ее зубы. Хирург надавил первым из своих пальцев-клинков на живот человека и мастерски вскрыл его, разрезая кожу и мускулы, словно гнилую картофелину.

Хирург проработал целых три часа, проворно вскрывая каждый сантиметр тела человека до кости, превращая его кожу и внутренние органы в кровавые ленты мяса. Как легко было бы просто продолжать вивисекцию, оставив лишь бесплотный скелет! Искушение было велико, но Хирург изо всех сил сопротивлялся ему, понимая, что Архонт Кешарк тысячу раз подвергнет таким же точно страданиям его собственное тело, если он позволит кайерзаку умереть слишком быстро.

Жужжащая аппаратура — резиновые трубки, шипящие воздушные мехи и булькающие бутылки — вся эта дьявольская техника, окружавшая стол, спокойно снабжала еще живое тело необходимыми жидкостями. Отвратительная металлическая конструкция, напоминающая зубчатую виселицу, раскачивалась над столом, поддерживая блестящий, смахивающий на жука организм, который вибрировал от скрежещущего дыхания. Тонкие черные хитиновые иглы тянулись из его раздутого брюха и работали над каждым ободранном куском плоти. Двигаясь слишком быстро для невооруженного глаза, они тем не менее болезненно медленно сдирали тягучее вещество с каждого органа и куска мяса, взамен вплетая новые прозрачные пряди органического вещества.

Как только пульсирующий безглазый организм завершал свои манипуляции с очередным фрагментом плоти, Хирург осторожно поднимал его назад и тщательно вставлял в тело субъекта, пока оно вновь не стало целым, каким и было до операции.

Только голова несчастного оставалась невскрытой и рот кривился в беззвучном вопле. Зубчатая виселица опустила «жука» на лицо человека. Вновь выдвинулись черные иглы, плавно заскользили по щекам и вошли в череп сквозь нос, уши, рот и глаза. Мозг человека пронзили бесчисленные струи чудовищной боли, когда каждый нерв, капилляр и кровеносный

сосуд был ободран и создан заново.

В конце концов, раздувшийся организм подняли с лица человека и положили на широкий металлический лоток в конце стола. Хирург поднял узкую пилу, и существо начало содрогаться, его цвет поблек — из блестящего черного оно стало мертвенно-коричневым. Прежде чем тварь издохла, Хирург вскрыл ее пилой и удалил влажный желтый яичный мешок. Он понадобится, чтобы вырастить другой организм для следующей операции.

Хирург кивнул обнаженной женщине, та медленно и плавно приблизилась к столу и привела то, во что превратился человек, в сидячее положение. Его движения были медленными и неуклюжими, но она знала, что это скоро пройдет. Он собрал свою одежду и угрюмо накинул на плечи короткую голубую бархатную накидку с серебряной вышивкой. Подобрал трость из слоновой кости с бронзовым наконечником, он направился к двери операционной, болезненно волоча ноги.

Не оборачиваясь, он бросил через плечо:

— Ну? Ты идешь?

Женщина склонила голову набок, ее прекрасное злое лицо исказила презрительная гримаса. Мужчина повернулся, словно спиной почувствовав ее отвращение.

Он уставился на нее взглядом, в котором читались ненависть и возбуждение, и по его молящим глазам она увидела, как он страдает. Порадовавшись тому, она решила, что на сей раз понадобится по крайней мере шесть из одной тысячи девяти Наслаждений, чтобы его успокоить.

Какой стыд, что люди отличаются столь ограниченным пониманием этих вопросов!..

6

Когда Космические Десантники приблизились к Вратам Брэндона — столице Павониса, — Уриэль прислонил голову к вибрирующей переборке десантного шаттла и молитвенно сложил перед собой руки.

Все люди, находящиеся под командованием Уриэля, хранили почтительное молчание, а мысли самого капитана были устремлены к славе Императора. В дальнем конце отсека в окружении небольшой армии сопровождающих лиц восседал эксперт Барзано. Уриэль медленно покачал головой. Неужели столько слуг требовалось одному человеку?

Во времена его обучения в Казармах Аджизелуса в него годами вбивали дисциплину и уверенность в собственных силах, и теперь ему было странно видеть человека, окруженного людьми, выполняющими за него всю черную работу. С самого раннего возраста мальчиков



Ультрамара приучали к жизни в дисциплине, самопожертвовании и, главное, простоте.

Барзано сосредоточенно слушал человека, которого он представил Ультрамарином как Лортуэна Перджеда. Слушая Перджеда, эксперт Барзано энергично ему кивал. Эксперт Перджед махал пальцем перед носом Барзано, словно строго выговаривал ему за что-то, и на мгновение Уриэль задумался: кто же из этих двоих на самом деле ответственный?

Капитан выглянул в толстый иллюминатор, и вовремя: последние прозрачные облака исчезли из виду, и перед взором Уриэля предстал, словно на ладони, главный континент Павониса.

Павонис сразу поразил Уриэля своими контрастами.

Середину обширного зеленого ландшафта в десятки квадратных километров занимали раскинувшиеся во все стороны производственные предприятия с платформами, складами и транспортными узлами, связывающими их воедино. Огромные краны и желтые подъемники ползали по этим промышленным центрам, проезжая мимо грохочущих подвижных составов с топливом и сырьем для ненасытных кузниц. Изрыгающие дым башенные охладители наполняли воздух облаками пара и желтоватым дымом, стелющимся над землей и покрывающим здания грязным коричневато-желтым налетом.

Но впереди, вдали от промышленных предприятий, посреди леса, у подножия высоких гор, Уриэль разглядел прекрасно спроектированное поместье из белокаменных зданий и догадался, что оно, должно быть, принадлежит одному из правящих картелей, надзирающих за производством на Павонисе. «Громовой Ястреб» прошел над поместьем, вспугнув стадо гибких рогатых животных. «Ястреб» пролетел достаточно низко, чтобы Уриэль смог разглядеть мраморную колоннаду перед входом в самое большое здание поместья.

Но вскоре и колоннада, и здание, и само поместье пропали из виду; и шаттл с ревом мчался над быстрой рекой, и, когда он повернул за скалистый утес, Уриэль различил на горизонте мраморный город — Врата Брэндона. Набрав высоту, корабль медленно облетел столицу по кругу, дав Уриэлю возможность разглядеть город в форме звезды. Теснясь вокруг оборонительных стреловидных бастионов, черные и дымные промышленные пригороды производили угрюмое впечатление, тогда как внутренняя часть города безмятежно сияла отполированным белым мрамором зданий в лучах полуденного солнца.

Архитектура столицы являла собой причудливую смесь старого и нового: древние сооружения с тысячелетней историей соседствовали со стальными куполами и хрустальными башнями. Улицы города были вымощены булыжником, украшены скульптурами и засажены деревьями.

Посреди нагромождений мрамора и стекла располагался дворец губернатора Павониса. Перед воротами дворца лежала мощенная булыжником площадь, по окружности которой выстроились статуи. Сам дворец высоко поднимался над улицами и домами, его белые башни и зубчатые стены с амбразами были спроектированы в Высоком Готическом стиле, популярном несколько тысяч лет назад. Летящие бронзовые контрфорсы поддерживали огромную рифленую колокольню, увенчанную конусообразной крышей из листового золота и усыпанную

драгоценными камнями.

Видя, что колокол сильно раскачивается, Уриэль сообразил, что он звонит, но звуков колокола он не слышал — его перекрывал рев двигателей «Громого Ястреба».

Здания, составлявшие дворцовый комплекс, раскинулись на обширной территории, вместившей кроме многочисленных строений тенистый парк, павильон для занятий спортом и маленькое озеро. С первого взгляда было понятно, что правители Павониса жили на широкую ногу. Чем же они готовы пожертвовать, подумал Уриэль, чтобы сохранить свое нынешнее положение? И чем они уже жертвовали?

Помимо самого дворца от внимательного взора Уриэля не укрылись многочисленные искусно замаскированные огневые позиции и входы в подземные гнезда с пусковыми установками. Дворец и, разумеется, вся центральная часть города в случае восстания или войны в любой момент готовы стать неприступной крепостью.

Понемногу сбавляя скорость, шаттл начал снижаться навстречу мерцающим огням посадочной площадки, окруженной кольцом высоких деревьев сразу за стенами дворца. На краю площадки притулились невысокий домик пункта наблюдения и топливная цистерна, защищенная рельефным противовзрывным экраном.

Когда челнок опустился до десяти метров, Уриэль несильно ударил кулаком по механизму, освободившему его от ремней безопасности, остальные Космические Десантники последовали примеру своего командира. Уриэль инстинктивно извлек из кобуры свой болт-пистолет.

Замигал зеленый огонек, сигнализирующий о готовности корабля высадить десант. Пазаниус и Леаркус прошли в конец отсека.

— Всем встать! Быть готовыми высадиться и обеспечить безопасность периметра! — отдал приказ капитан.

Пока сержанты готовили людей к высадке, Уриэль преклонил колени перед маленькой иконой, размещенной в нише рядом с его капитанским креслом. Читая Литанию Битвы и Катехизис Воина, Уриэль, как и подобало Ультрамарину, склонил голову. Завершив ритуал, он крепко сжал эфес заветного ему меча, поднялся и встал у верхушки бронированного трапа в передней части шаттла.

Тут раздалось шипение декомпрессии и скрип гидравлики, трап быстро опустился, ударившись о посадочную площадку, и высадка началась. Трап был еще в воздухе, а два отделения Ультрамаринов уже выскользнули из челнока и заняли оборонительные позиции по периметру посадочной площадки с болтера-ми на изготовку.

— Боже мой, эти парни просто великолепны! — зааплодировал Барзано — голос его уже можно было слышать сквозь постепенно затихающий визг двигателей «Громого Ястреба».

Пазаниус поднял свой тяжелый болтер, пока Уриэль, осматриваясь, спускался по трапу следом за Барзано.

Лишь только опустились экранирующие щиты, из наблюдательного пункта появился полный краснолицый человек, одетый в простую черную мантию эксперта с генно-коммутационной панелью в руке.

Тут же целый взвод Ультрамаринов наставил на него свои болтеры; человек взвизгнул и вскинул руки вверх.

— Подождите! Не стреляйте! — взмолился он. — Я здесь, чтобы встретить эксперта Барзано!..

Барзано, Лортуэн и Уриэль ступили на площадку, а двое Ультрамаринов, встав по обе стороны от встречающего, сопроводили его к своему капитану. Между двумя гигантами в доспехах этот обливающийся потом коротышка казался и вовсе гномом.

Барзано выступил вперед, чтобы поприветствовать раскрасневшегося человека. Протянув одну руку, вторую он опустил на плечо своего помощника.

— Вы, должно быть, эксперт Баллион Варле? Доброе утро, сэр. Вы уже знаете меня, Арио Барзано, у нас с вами нет необходимости в процедуре знакомства, а эти замечательные парни — из Ультрамаринов.

Барзано повел Варле к Уриэлю, по-товарищески махнув рукой в его сторону:

— Это капитан Уриэль Вентрис, он командует Ультрамаринами. Они прибыли, дабы устроить все так, чтобы все прошло как по маслу, и, будем надеяться, положить конец некоторым проблемам, которые у вас здесь имеются. Не так ли?

Эксперт Баллион Варле кивал, опасливо поглядывая на бесстрастные забрала шлемов Космических Десантников, и Уриэль сомневался, что Варле воспринимал хотя бы одно слово из трех, произносимых Барзано.

Рука Барзано скользнула по плечу Баллиона, и его палец нажал на генно-коммутационную панель, которую нес этот дрожащий человек. Аппарат защелкал и задребезжал, издав в конце концов тихий звон. Только после этого Варле удалось оторвать взгляд от гигантских воинов и обратить свой взор на панель.

— Что ж, теперь по крайней мере вы знаете, что я не самозванец, — улыбнулся Барзано. — Значит, вы получили мое сообщение?

— Ах да, эксперт, конечно получил, хотя, честно говоря, его содержание несколько сбilo всех нас с толку.

— Ну что вы, какое может быть беспокойство? Все рассосется, мой друг, нет никакой необходимости волноваться.

— Да, разумеется, но если губернатор узнает, что вы знали, то есть что я знал, что вы придёте раньше, и не сказал ей... Она... она... — Варле умолк.

— Что она? — подтолкнул его Барзано.

— Ну, она... Она будет недовольна.

— Прекрасно, значит, мы хорошо начали.

— Сожалею, но я не понимаю вас... — запротестовал было Варле.

— Нет никакой необходимости извиняться, вы и не должны это понимать. Запутанная история, мой дорогой.

Лортуэн Перджед многозначительно кашлянул, постучав своей тростью о металлический трап, и уставился на Барзано, который помахал ему рукой в знак того, что беспокоиться не о чем.

— Не обращайтесь на меня внимания, дорогой друг, я слишком много говорю. Со мной всегда так, когда я с кем-то знакомлюсь. А теперь к делу. Думаю, для начала мы нанесем визит во дворец губернатора. А как вы считаете?

— Полагаю, что губернатор не ожидает вас так рано...

— Ну вот, здравствуйте-приехали... — задумался Барзано, рукой указывая на промежуток между деревьями, где мощенная булыжником дорога вела к городским стенам. Уриэль увидел, как открытая коляска, запряженная четверкой идущих рысью лошадей, мчалась по дороге к посадочной площадке.

Коляска не имела колес и держалась в воздухе посредством антигравитационной технологии, сходной с той, что применялась в скоростных наземных автомобилях Ордена; ее лакированные борта были украшены геральдическими эмблемами, изображающими артиллерийский снаряд в венке.

Уриэль знал, что эта технология отнюдь не дешевый понт, так что это транспортное средство, по всей видимости, обошлось своему владельцу в целое состояние.

Лошади — а они были, несомненно, данью традиции — остановились в облаке пыли, и высокий красивый щеголь, в черном костюме, синей бархатной накидке и изысканной треугольной шляпе с пером, вышел из кареты и поспешил к «Громовому Ястребу». Каждая черточка лица

этого местного денди так и светилась подбострастием.

Лортуэн Перджед встал рядом с Барзано и Уриэлем, его тощее тело казалось почти скелетом рядом с облаченным в силовые доспехи гигантом капитаном Ультрамаринов.

— Это Вендаре Талун, — прошептал Перджед. — Его семейный картель производит артиллерийские снаряды для Имперской Гвардии. Губернатор Шонаи выжила его лет десять назад, и теперь он возглавляет оппозицию против нее в сенате Павониса. Ходят слухи, будто именно он подстроил смерть своего брата после того, как они оба были низложены, дабы стать главой семьи.

— Это все слухи, — прошептал Барзано, прежде чем Талун подошел к ним. — А существуют ли доказательства?

— Нет... пока...

Барзано кивком, не поворачиваясь, выразил свою благодарность и выступил вперед, чтобы приветствовать вновь прибывшего. От взгляда Уриэля не укрылось, как на лице Баллиона Варле мелькнуло испуганное выражение. Заметив это, капитан Ультрамаринов встал рядом с Барзано, а его рука привычно легла на эфес меча.

Вендаре Талун изысканно поклонился Барзано и Уриэлю, снял шляпу и широким жестом завел ее за спину. Когда Талун выпрямился, Барзано схватил его за руку и принялся энергично трясти ее:

— Наслаждение, лорд Талун, безусловное наслаждение. Меня зовут Арио Барзано, но, конечно, вы это знаете. Пойдемте же скорее, давайте отправимся на вашей восхитительной" карете в город, а?

Талун не ожидал от императорского эксперта столь жаркого приема, но, следует отдать ему должное, быстро оправился от первого шока и пришел в себя.

— Разумеется, эксперт, — улыбнулся он, указывая на свой парящий в воздухе экипаж. — А не пожелает ли кто-нибудь из ваших спутников присоединиться к нам? Полагаю, мы могли бы взять еще одного-двоих.

— Думаю, к нам присоединятся Уриэль и Лортуэн. Эксперт Баллион, не будете ли вы добры организовать еду и питье для этих ребят?... Ну и отлично!

Барзано и Вендаре Талун направились к карете, а Лортуэн Перджед прошептал Уриэлю:

— Что ж, теперь мы по крайней мере знаем, что Баллиону доверять нельзя.

— Что вы имеете в виду? — не понял Уриэль, наблюдая за тем, как шарообразный эксперт в своей длинной накидке, нахмурившись, удрученно тащится к наблюдательному пункту, тому самому, откуда он несколько минут назад появился.

— А как же, по-вашему, тогда Талун узнал о нашем прибытии и приехал нас поприветствовать?

Да, об этом Уриэль не подумал. И все-таки...

— Вы подозревали, что ему нельзя доверять, и тем не менее сообщили ему время нашего прибытия?

— Барзано предполагал, что местный эксперт подкуплен кем-то из местной знати. Теперь мы, по крайней мере, выяснили, кем именно.

Видя, насколько ошарашила Уриэля его прямота, Перджед снисходительно улыбнулся:

— На таких планетах, как Павонис, подобное в порядке вещей. Здесь, в восточной периферии, могут проходить десятилетия без официальных контактов с Администратумом.

— Но только не на Ультрамаре, — отрезал Уриэль.

— Возможно, — согласился Перджед. — Но мы-то сейчас на Павонисе.

Дженна Шарбен с силой заехала щитом в покрытую желтыми пятнами физиономию какого-то человека и оттолкнула его обратно в толпу. Камеры для задержанных в «Рино» были уже забиты под завязку. На подходе были другие транспорты с базы, но все, что могли делать сейчас две шеренги арбитров, — это сомкнуть щиты и оттеснять толпу от дороги, ведущей к воротам дворца.

С момента, когда раздались первые удары дворцового колокола, собралась толпа в полтысячи человек, но этот громкий печальный перезвон наверняка привлечет еще много людей. Дженна чертыхнулась про себя и прокляла идиота, который отдал приказ колотить в эту штуковину. На заре истории Павониса колокол был действительно необходим — его использовали, чтобы собирать членов сената, но теперь колокольный звон оставался лишь данью традиции.

«И чертовски глупой традиции», — размышляла Дженна, отпихивая толпу щитом. Она прекрасно знала, что если уж требуется собрать сенаторов на заседание, то каждого из них вызывают лично, а сейчас этот чертов колокол собирает лишь толпу лишенных гражданских прав рабочих, обозленных на тех самых людей, которые вскоре проедут по этой дороге во дворец.

— Сдерживать толпу, чего бы это ни стоило! — раздался из-за шеренги арбитров крик сержанта Колликса.

«И чем, ты думаешь, мы все здесь занимаемся? — мысленно ответила сержанту Дженна. — Наслаждаемся приятной беседой в обществе нескольких десятков разъяренных рабочих?» Она слышала на базе разговоры о бойне, которую Колликс устроил на площади Освобождения, что он, если верить арбитрам, остановил стрельбу, только когда Вирджил Ортега приказал прекратить огонь и отойти. Какие еще ошибки сержант может совершить и сколько людей за это заплатит своими жизнями?

Мысли Дженны приняли опасный поворот, и она попыталась отбросить их, в этот момент кто-то из толпы потянулся к верхушке ее щита. Дженна резко двинула верхним краем щита нападавшему в нос, и тот, завизжав, покатился обратно в толпу.

Толпа завопила громче, и Дженна, бросив короткий взгляд через плечо, увидела, как к воротам дворца приближается парящий в воздухе экипаж, запряженный четверкой лошадей. Толпа ломанулась вперед, и Дженна охнула, ощутив, как прогнулась под ее давлением шеренга арбитров.

Дженна Шарбен вбила в землю каблуки и всем корпусом налегла на щит, удерживая наседавшую толпу.

Откинувшись на мягкую спинку обитого кожей дивана в плавно скользящей карете, Солана Верген разглядывала в зеркале карманной пудреницы свои влажные глаза, размышляя о том, насколько подобающе она выглядит. А выглядеть она должна как убитая горем дочь. Удовлетворенная своим видом — бесстрастное зеркало отражало совершенный образец горюющей девушки, прекрасной, но дразняще уязвимой, — Солана принялась расчесывать щеткой из слоновой кости и серебра свои длинные, светлые, с медовым оттенком, волосы. Однако это занятие не мешало ей с любопытством выглядывать в завешенное бархатом окно на залитую ярким солнцем площадь Освобождения.

Солана зевнула, заметив группу надоедливых рабочих, выстроившихся вдоль дороги и что-то выкрикивающих. Карета как раз въезжала в дворцовые ворота. И в самом деле, чего же они собирались добиться? Затем Солана обратила внимание, что многие из рабочих были одеты в зелено-желтые робы картеля Верген. Почему это они не на работе? Они что, еще не поняли, что теперь работают на нее?

То, что отец Соланы, их прежний хозяин, так по-дурацки дал себя убить на прошлой неделе, вовсе не означало, что люди теперь могут уходить с работы, когда им вздумается. Девушка решила при первой же возможности позвонить местному управляющему с тем, чтобы тот предоставил ей имена отсутствовавших на рабочем месте. А чтобы преподать им всем урок, она уволит их и самого управляющего за нарушение трудовой дисциплины.

Они все очень скоро увидят, что Солана не такая мягкотелая, каким был ее отец.

Вспомнив о нем, девушка надула губки, и бледное лицо Талуна, сообщившего ей о гибели отца, снова встало перед ее глазами. Неужели этот глупец и в самом деле считал, будто ее брак с его сыном-идиотом был чем-то большим, нежели обыкновенная сделка? Несомненно, Талун

полагал, что поставит своего сына главой картеля Верген, но в отношении Соланы Верген он глубоко просчитался.

У нее уже есть кое-какие связи в других картелях, и эти люди будут ну просто очень рады услышать нечто из тех глупостей, которые ее женишок, всхлипывая, наболтал ей, когда они, удовлетворив свои низменные потребности, лежали рядом в темноте.

Советники отца приходили в ужас от одной мысли, что рано или поздно Солана возьмет в свои руки бразды правления производством, но девушка никак не могла взять в толк, с чего бы это. Глава картеля Шонаи — женщина, и она же — губернатор всей планеты. Солана, размышляя о будущем, еще плотнее натянула на плечи накидку и опустила руку в шелковой перчатке на борт кареты.

Да, картель Верген определенно ждут кое-какие перемены.

Толстые, униженные перстнями пальцы Тарина Хонана выбивали нервную дробь по бортику коляски, а объемистый зад болезненно воспринимал неприятное тарахтение колес по булыжникам мостовой.

Он в очередной раз выругался, вспомнив, как ему не позволили вложить деньги его картеля в антигравитационную карету. А ведь это были бы хорошие инвестиции, неужели комитет этого не понимал? Так унижительно приезжать во дворец на громыхающей таратайке, а не на плавном престижном транспортном средстве вроде тех, что у Талуна и де Валтоса.

Тем не менее Хонан продолжал надеяться, что однажды станет таким же успешным, как и они, и завоеует уважение и восхищение меньших картелей. Он решил внимательно наблюдать за Талуном и де Валтосом во время собрания в сенате. Какого бы мнения ни придерживались Талун и де Валтос, так же станет поступать и он. Эти двое наверняка признают в нем равного, если Хонан будет поддерживать их политику. Разве не так? Или они будут думать о нем, как о бесхребетном существе, следующем за ними просто ради того, чтобы подлизаться? Тарин Хонан жевал свою нижнюю губу и размышлял, как же поступит в этом случае комитет.

Но стоило ему закрыть глаза и представить, как все они, сидя вокруг длинного дубового стола, однообразно трясут своими глупыми головами, отклоняя очередное внесенное им захватывающее деловое предложение, Хонан впал если не в ярость, то по крайней мере в безумное раздражение.

И почему это он — единственный из лидеров картелей — должен отвечать перед комитетом? Разве это справедливо? Он знал, что все остальные насмеются над ним из-за этого. Он стал посмешищем для всех, даже для лидеров крошечных картелей, состоящих из одного предприятия, которые и место в сенате-то могут позволить себе с трудом.

Да, он совершил несколько ошибок. А кто их не делал в бизнесе?



Да, несколько сделок пошло не так хорошо, как он надеялся, и, конечно, была еще неудача с продажным мальчишкой, который, получив доступ к его кредитной карте, оставил Хонану гигантский долг, прежде чем сбежать с Павониса на одном из многочисленных инопланетных грузовых кораблей. Но неужели такая ерунда стала для комитета поводом лишить его исполнительной власти и назначить себя всемогущим хозяином его финансов?

Хонан страстно надеялся, что этот мальчишка оказался на борту одного из кораблей, захваченных эль-дарами, которые пытали его всевозможными отвратительными способами. Эта мысль вернула Тарину вкус к жизни и даже вызвала улыбку на его пухлой физиономии. Хонан облизал накрашенные губы, представив страдания мальчика в руках работоторговцев-эльдаров.

И еще сильнее сжал потной рукой трость черного дерева.

Казимир де Валтос зевнул, поморщившись от жжения в легких, вызванного горьким смогом, висевшим в воздухе, и закрыл глаза, ожидая, пока антигравитационная карета плавно остановится у дворца. Ненадолго он задумался, чего же может хотеть теперь эта сука Шонаи, но тут лее отбросил эту мысль как неуместную. Кого теперь на самом деле заботят ее желания? Он улыбнулся, подумав, что, быть может, она решила объявить о своем абсурдном предложении поймать эльдаров налетчиков. Неужели она действительно думает, что его картель так легко купить?

Если Шонаи считает, что они так вот запросто ей подыграют, тогда она еще более глупа, чем полагал де Валтос.

Когда-то Микола Шонаи могла быть достойным политическим соперником, но теперь она была всего лишь усталой старой женщиной. Она с трудом цепляется за власть кончиками пальцев, не осознавая, что целая толпа людей только и ждет подходящего момента, чтобы ее уничтожить.

И Казимир де Валтос — первый среди них.

Достав из-под накидки серебряный портсигар, он вытащил из него тонкую сигару и закурил. Де Валтос знал, что сигары вредны для его легких, и в очередной раз горько усмехнулся иронии жизни.

После встречи с эльдаром на его чудовищном корабле много лет назад, легкие Валтоса прихватывало иногда даже от простого тумана, но будь он проклят, если перестанет из-за этого делать то, что ему хочется! Он всегда так делал и всегда будет делать, и будь проклят тот, кто попытается ему помешать.

Вендаре Талун улыбнулся, обнажив два ряда идеальных зубов, и это напомнило Уриэлю клыкастые ухмылки шипящих хормагантов, которых он убивал на Айкаре IV. Уриэль познакомился с Талуном всего десять минут назад, но этот человек ему уже определенно не нравился.

— Итак, эксперт Барзано, Баллион Варле сообщил мне, что ваш корабль атаковали во время путешествия. Это, конечно, плохо. Губернатор должна больше делать для того, чтобы не допускать подобных злодеяний.

Уриэль отметил про себя, что, со стороны Талуна, умно не пытаться скрыть тот факт, что Варле сообщил ему об их раннем прибытии, — он догадывается, что Барзано тоже должен был это понять. «Интересно, думает ли Талун, что сможет купить Барзано?» — вдруг пришло ему в голову.

— Да, мой дорогой Талун, это не есть хорошо, — согласился Барзано. — Нас действительно атаковали, но мы быстренько спровадили этих мерзавцев.

— Приятно слышать это, — кивнул Талун. — Мы наслушались историй про этих презренных чужаков. — И Талун улыбнулся Уриэлю, похлопав по его покрытому броней колену. — Но теперь, когда отважные воины-Ультрамарины здесь, нам нечего бояться, не так ли?

Уриэль склонил голову, хотя ему не понравилась чрезмерная фамильярность этого человека.

— Благодарю вас за оказанное доверие, гилдер Талун, — ответил Уриэль, используя местную форму обращения к руководителю картеля. — Милостью Императора мы избавим вас от этих нечестивых чужаков и вернем мир на Павонис.

— Ах, если бы все было так просто, мой дорогой капитан Вентрис, — вздохнул Талун, — но боюсь, что губернатор Шонаи вела нас по слишком разрушительной дороге, чтобы можно было спасти экономику нашего любимого мира. Для этого недостаточно уничтожить горстку назойливых налетчиков. Ее десятинный налог причиняет ущерб всем нам, и больше всего — мне. Всего два дня назад я был вынужден уволить тысячу человек, чтобы снизить расходы и улучшить маржу, но разве губернатор думает о таких людях, как я? Разумеется нет.

Уриэль отвернулся, чтобы скрыть презрение к этому эгоистичному человеку, и не обратил на его слова никакого внимания.

— А как же дополнительные людские ресурсы, которые она обещала нам, чтобы защитить производства от Церкви Старых Принципов? Я потерял свыше семи тысяч человеко-часов из-за их бомб! — продолжал, горячась, Талун.

«Сколько же реальных людей он потерял?» — подумалось Уриэлю, но вряд ли это его всерьез заботило.

— Может, гилдер Талун, — предложил Уриэль с металлическими нотками в голосе, — нам следовало бы оставить все эти разговоры о политике для зала сената, а сейчас просто наслаждаться поездкой?

Талун выразил свое согласие кивком головы, но Уриэль заметил, как в его взгляде промелькнуло раздражение. Талун явно не привык к тому, чтобы люди, обладавшие, по его мнению, более низким политическим статусом, делали ему замечания.

Не обращая на Талуна больше никакого внимания, Уриэль полностью отдался изучению проносящегося мимо него пейзажа. Городские стены были высокими и имели скос внутрь, направленный к нависающему крепостному валу. Капитан заметил гранатоуловители; встроенные в навесные бойницы, и полевые электрогенераторы, расположенные по всей длине стен. Из сведений о Павонисе, с которыми Уриэль ознакомился перед путешествием, он знал, что практически все необходимое для жизни производилось на самой планете тем или иным из семейных картелей. По большому счету и городам Ультрамара для защиты были не нужны такие технологические безделушки, но на его планете были куда более сильные защитные средства: отвага, честь и люди, олицетворяющие собой лучшие примеры человеческого благородства.

С рождения воспитанные на примерах героизма и чести, получившие образование на принципах благословенного примарха, Ультрамарины никогда эти принципы не нарушат, никогда не капитулируют и никогда не поддадутся никакой излишней роскоши.

Из этих размышлений Уриэля вывело многозначительное покашливание Перджеда: карета уже проезжала через бронзовые городские ворота.

Здания, расположенные с внутренней стороны городских стен, при ближайшем рассмотрении выглядели вовсе не так впечатляюще, как с воздуха: они были спроектированы исключительно функционально и почти не имели украшений. Здания же Макрэйджа, хотя и простые, были спроектированы весьма искусно, будучи, с одной стороны, прочными и надежными, с другой — шедеврами архитектуры. Уриэль понял, что коробкообразные сооружения Павониса спроектированы с целью достижения максимальной эффективности издержек, и посетовал про себя, что те, кто управляет финансами, частенько подрезают крылья фантазии архитекторов. Здесь и там Уриэль видел мужчин и женщин, очищающих стены зданий от коричневатого-желтого налета — неизбежного следствия столь близкого соседства с тяжелой промышленностью. Он заметил также, что все они одеты в белые спецовки, чтобы на фоне стен выглядеть менее заметными.

Карета легко неслась вдоль вымощенных булыжником мостовых, мимо жителей в элегантных черных нарядах. От взгляда Уриэля не укрылось, что, когда карета пролетала мимо очередного горожанина, тот подобострастно снимал шляпу. По многолюдным улицам эхом разносился звон дворцового колокола.

Талун высокомерно помахивал прохожим, и Уриэля поразили его уверенные, непринужденные манеры.

— Вы здесь, как я вижу, хорошо известны? — поинтересовался Барзано.

— Да, разумеется. У меня много друзей в городе. — Как я понимаю, большинство этих друзей

— члены картеля?

— Конечно. Простые люди обычно не осмеливаются входить в город. Это все, понимаете ли, сборы. Большинство из них не могут себе позволить войти внутрь. Особенно сейчас, когда губернаторская десятина выжимает из них последние' соки.

— Люди должны платить, чтобы войти в эту часть города?

— Ну да, — ответил Талун так, словно сама мысль о том, что по городу можно разгуливать бесплатно, была смешной и нелепой.

— И какова же плата за вход? Талун пожал плечами:

— Не знаю, сколько именно. Мы, члены картеля, разумеется, освобождены от этого сбора, но за свои прогулки по городу я ежегодно вношу малую толику своей прибыли.

Барзано наклонился вперед и помахал рукой за бортом кареты.

— А как же поддерживаются городские парки? Чистятся здания? Кто за это платит? Империя?

— Нет, нет, нет, — поспешно замахал руками Талун. — Я полагаю, что на их обслуживание идет часть общих налогов.

— Значит, говоря другими словами, — размышлял вслух Барзано, — все население вносит свой вклад в это чудесное место, но не может им наслаждаться, не заплатив за эту привилегию повторно?

— Полагаю, что это односторонний взгляд на вещи, — высокомерно ответил Талун. — Но, смею вас заверить, никто не жалуется.

— Ну уж не знаю, — не приминул заметить Уриэль, кивнув в сторону разъяренной толпы, собравшейся перед черными воротами Имперского дворца. — Они не выглядят очень уж довольными положением вещей на вашей планете.

\* \* \*

Дженна не отрываясь смотрела, как к дворцовым воротам приближается последний из экипажей, и закатила глаза, увидев, что это коляска с открытым верхом. Неужели эти глупцы так и не поняли, что творится на городских улицах? Тех, что проехали раньше, закидали бутылками и камнями, вывернутыми из мостовой, и лишь милостью Императора никто не был ранен.

— Как вы можете им служить? — крикнул в лицо Дженне человек, измазанный сажей. — Неужели вы не видите, что помогаете поддерживать режим воров и обманщиков?

Неожиданно рядом с Дженной возникла фигура сержанта Колликса. Сержант размахнулся и что было сил врезал своей шоковой булавой прямо по лицу этого мужчины. Тот рухнул наземь, из его сломанной челюсти полилась кровь, и Колликс оттащил его за шеренгу арбитров. Затем сержант поволок кровоточащее бесчувственное тело в «Рино».

Конечно, то, что сказал этот человек, было явной провокацией, но в глубине души Дженна понимала: очень даже возможно, что он прав.

Однако Дженна отогнала от себя эту крамольную мысль. Не прошло и пяти лет, как она окончила Школа Прогениум, а ее подготовка для Адептус Арбитрес завершилась лишь шесть месяцев назад, так что рассуждать о политике было вовсе не ее ума дело. Вопрос о преступной некомпетентности правителей Павониса будет решать вышестоящее руководство, и если все окажется именно так, то правители планеты будут отстранены от занимаемых должностей.

Дженна напрягла мышцы ног, приготовившись вновь противостоять толпе, но с удивлением вдруг осознала, что в этом больше нет необходимости: люди перед ней, словно по команде, сделали шаг назад и изумленно уставились на что-то позади нее. Убедившись, что поблизости нет никого, представляющего угрозу, она бросила быстрый взгляд через плечо.

Мимо толпы скользила великолепная, парящая в воздухе карета, но все внимание Дженны Шарбен поглотил не сам экипаж, а гигант в синих доспехах, восседавший в карете вместе с Талуном и двумя мужчинами, которых Дженна видела впервые.

Она никогда раньше не видела Космического Десантника своими глазами, но на родной планете Дженны Вердан III она не раз подолгу рассматривала религиозные картины и плакаты. Но она и представить себе не могла, что необычайные размеры, приписываемые Космическим Десантикам, могут на самом деле оказаться правдой. Дженна узнала белоснежную эмблему на наплечнике Десантника: он был Ультрамарином. Поэтому арбитр ощутила прилив безрассудного страха, когда огромный воин бросил на нее суровый взгляд.

Карета промчалась сквозь ворота дворца, и воин-Ультрамарин пропал из виду. Стряхнув с себя оцепенение, Дженна вновь повернулась лицом к толпе, готовая к очередным неприятностям.

Однако такое зримое напоминание о мощи Империи, как Космический Десантник, лишило толпу какого бы то ни было желания продолжать беспорядки, и люди начали понемногу расходиться. Сначала — по двое и по трое, затем — большими группами, по мере того как весть о прибытии огромного воина Императора доходила до удаленной части толпы. Еще несколько демагогов пытались удерживать людей своими пламенными речами, но их уже никто не слушал, так что вскоре и этих ораторов посбивали наземь дубинками и уволокли в камеры «Рино».

— Ты видела его? — испуганно обратился к Дженне арбитр, стоявший рядом с ней в

оцеплении. — Здесь Космические Десантники!

Да, думала Дженна Шарбен, Космические Десантники здесь.

Но вот что это значило: все стало лучше или, наоборот, еще хуже?

Купол Палаты Благочестивого Общения Сената Павониса был отлит из прочной бронзы, но его внутренняя поверхность со временем покрылась густой патиной. Круглое помещение под куполом было заполнено ярусами кресел, в которых горланили члены картелей Павониса. Нижний ярус — тот, что ближе остальных находился к полу в красно-золотую клетку, был предназначен для глав двадцати четырех картелей. При этом ряды темно-красных кожаных кресел редко бывали заполнены, исключения составляли лишь заседания в начале очередного финансового года.

Сейчас здесь были заняты лишь шестнадцать кресел. Главы шести наиболее прибыльных картелей — Шонаи, Верген, де Валтос, Талун, Хонан и Аброгас — присутствовали, напоказ проявляя друг к другу дружеские чувства. Позади глав картелей сидели члены их семейств.

И наконец в верхнем ярусе Палаты, в задней ее части, восседали столь же открыто высказывающиеся члены картелей, которые не состояли в кровных связях с их владельцами, но все они тем не менее подписали исключительные контракты о верности уставам картелей. Верхний ярус был самый многочисленный в палате, и его отделенные от остальных члены злобно вопили друг на друга, несмотря на неоднократные призывы к порядку облаченного в парик Посредника. Это и неудивительно: верхний ярус заполняли сплошь прихлебатели и авантюристы, которые, пользуясь связью с выбранными ими картелями, любой ценой стремились к продвижению в обществе. Именно на этом ярусе Уриэль заметил эксперта Баллиона Варле, сидящего с каким-то неуверенным видом в секторе, предназначенном для поддерживающих Талуна.

Гостям и тем, кто не имел формального права принимать участие в деятельности Палаты, разрешалось сидеть на голых деревянных скамьях этого яруса, и вот отсюда Арио Барзано, Лортуэн Перджед и Уриэль Вентрис наблюдали за происходящим внизу.

Уриэль спиной ощущал на себе взгляды многих зрителей из верхнего яруса, но, заставляя себя не обращать на них внимания, старательно прислушивался к тому, что происходило в Палате.

— Отсюда ничегошеньки ни разглядеть, ни расслышать, — проворчал Барзано, во весь рост вытянувшись над медным поручнем яруса.

— Полагаю, что именно так все и рассчитано, — с раздражением проворчал Перджед. — Многие миры на востоке галактики печально известны своим нежеланием допускать наблюдателей к деятельности своей государственной машины. Даже наблюдателей, столь... влиятельных, как вы.

— Вы и впрямь так считаете? — рявкнул Барзано. — Что ж, посмотрим.

Уриэль прекрасно понимал неудовлетворенность Барзано, но благодаря генетическим усовершенствованиям органов зрения и слуха он все прекрасно видел и слышал даже со столь удаленного места.

— А кто тот большой парень в черном? — спросил Барзано, указывая на дородного детину в центре зала, колотящего в пол длинным шестом, увенчанным бронзовой сферой.

— Это Посредник, — ответил Лортуэн Перджед. — Он выступает в качестве председателя на заседаниях сената, одобряет повестку дня и определяет порядок выступлений.

— Что-то не похоже, что он справляется со своими обязанностями успешно. Что, в конце концов, он там говорит?

— Пока он всего-навсего призывает собравшихся к спокойствию, — ответил Уриэль.

Барзано и Перджед удивленно уставились на Ультрамарина, пока не вспомнили наконец о его усовершенствованных чувствах.

— И все же так не пойдет, Уриэль, — после секундного замешательства произнес Барзано. — Совсем не пойдет. Ты-то в состоянии слышать все, но я не хочу выяснять, что происходит, из вторых рук. Не в обиду тебе будь сказано, мой дорогой.

— Да я и не обижаюсь, — заверил эксперта Уриэль. — Боевая информация из первых рук всегда более надежна.

— Совершенно верно. Так что пойдем. Давай-ка выберемся с этого насеста и поищем местечко поближе.

Барзано поднялся и повел Уриэля и Перджеда за собой по каменным ступеням к нижним ярусам. Несколько мускулистых судебных приставов в отороченных мехом мантиях и треугольных шляпах, бренча золотыми цепями — знаками их должности — на бычьих шеях, попытались было преградить им путь черными жезлами с бронзовыми набалдашниками. Уриэль видел, что они держали эти дубины вполне профессионально, и догадался, что некоторые заседания сената требовалось прерывать, когда «дискуссии» становились чрезмерно горячими. Но один лишь взгляд на исполинского капитана Ультрамаринов убедил приставов в том, что благоразумие, как бы то ни было, — лучшая составная часть мужества, и в считанные минуты Барзано, Перджед и Уриэль удобно устроились в обитых кожей креслах позади глав картелей.

Посредник многозначительно постучал жезлом в выложенный плиткой пол и уставился на вторгшуюся в Палату сената тройцу. Бейлифы за их спинами лишь пожимали плечами. Головы

присутствующих одна за другой повернулись в направлении незваных гостей, и в полном зале воцарилась столь несвойственная для этого места тишина: все ожидали, какие шаги предпримет Посредник.

Сложив на груди огромные руки, Уриэль в ответ вперил взор в лицо обливающегося потом человека. Напряжение было поистине велико, но оно спало, когда поднялся Вендаре Талун и взмахнул тростью в направлении Посредника:

— Посредник, могу ли я обратиться к нашим гостям?

Человек в мантии нахмурился, но кивнул:

— Слово предоставляется почтенному Вендаре Талуну.

— Благодарю вас. Друзья, члены картелей и трейдеры! С огромным удовольствием я приветствую здесь сегодня экспертов Барзано и Перджеда, а также капитана Ультрамаринов Уриэля Вентриса в качестве наших гостей. Эти почтенные посланцы Императора прибыли в наш беспокойный мир посмотреть, что можно сделать, чтобы помочь нам в тех ужасных трудностях, которые мы вынуждены испытывать на протяжении нескольких последних тягостных лет. Я полагаю, что это всего лишь благовоспитанность — приветствовать их здесь, на Нашем скромном собрании, и проявить по отношению к ним максимальную обходительность и предупредительность во время их пребывания на Павонисе.

Слова Талуна были встречены в равной мере как аплодисментами, так и язвительными замечаниями, а Перджед, наклонившись, прошептал Барзано и Уриэлю:

— Очень умно. Вроде бы Талун ничего такого и не сказал, а из его речи вышло, что мы здесь благодаря его влиянию, и, таким образом, теперь Талуна будут воспринимать как политика с большей перспективой, нежели губернатора. В то же время Талун обошелся без открытой критики в ее адрес. Очень умно!

— Да, — согласился Барзано, и глаза его сузились. — Очень умно.

От тишины, которая стояла в зале еще минуту назад, не осталось и следа: отовсюду звучали аплодисменты, свист и призывы сказать свое слово руководителям других картелей, но Уриэль уже не обращал на это никакого внимания — он был поглощен изучением других членов картелей, сидящих в переднем ярусе. В ближайшем к Посреднику ряду расположились губернатор Павониса и ее советники. Худощавый, с резкими чертами лица человек стоял позади губернатора, а рядом с ней восседал, потягивая трубку, мужчина постарше с огромной седой бородой. Оба ей что-то настойчиво нашептывали.

Микола Шонаи Уриэлю понравилась. Несмотря на царивший в зале сената хаос, она вела себя с достоинством, и капитан понял, что губернатор — личность очень и очень сильная.



Когда Талун, завершив речь, вернулся на место, взгляд Уриэля упал на седого мужчину, сидевшего рядом с ним. Иссеченное шрамами, обожженное лицо этого человека имело нездоровую бледность и вставки синтеплоти. Казалось, выступать ему не хотелось, и он с неприкрытой ненавистью уставился на губернатора Шонаи.

— Это Казимир де Валтос, — прошептал Перджед, проследив глазами за взглядом Уриэля. — Однажды корабль этого бедняги был атакован эльдарскими пиратами. Очевидно, они вдоволь над ним потешились, пока ему не удалось удрать.

— Что они с ним сделали?

— Не знаю. «Кошмарные вещи» — вот и все, что есть в моих записях.

— Что производит его картель?

— Двигатели и корпуса для боевых танков «Ле-ман Русс» и, главным образом, тяжелые артиллерийские орудия, хотя думаю, что по большей части за производством надзирает не сам Валтос, а его подчиненные.

— Откуда у вас такое мнение, Лортуэн? — спросил Барзано.

— В документах Администратума, касающихся этого мира, зарегистрировано не менее семи обращений гилдера де Валтоса за имперскими разрешениями на организацию археологических экспедиций в этой системе. Многие из прекраснейших экспонатов галереи казначейства Павониса — из его частной коллекции. На Павонисе он известный покровитель искусств и человек, как никто другой, увлеченный древностями.

— В самом деле? В таком случае у нас есть общие интересы, — хихикнул Барзано.

Перджед бросил на своего руководителя колющий взгляд, и Уриэль в очередной раз подумал, что бы все это могло значить и почему Барзано сам не знал этих фактов. Он кивнул в сторону бородатого человека с «конским хвостом», который сидел, согнувшись, рядом с де Валтосом и Талуном. Уриэль видел его безжизненный взгляд — даже среди запахов тел сотен людей, присутствующих в зале, он отчетливо уловил слабый аромат снотворного, исходящий от этого человека. Он легко распознал этот запах, хотя это снотворное было не столь распространено в галактике.

— А что насчет этого, кто он?

Бросив косой взгляд на незнакомца, Перджед разочарованно вздохнул:

— Это, капитан Вентрис, Бошамп Аброгас, и более жалкий образчик человечества вам трудно будет сыскать по эту сторону от шлейфа Паломника Офелии. Он бездельник и транжира,

который с трудом напишет и собственное имя, даже если дать ему в руки перо и написать за него половину букв.

Гнев, прозвучавший в голосе Лортуэна Перджеда, поразил Уриэля, и старик, казалось, это понял. Он усмехнулся и пояснил:

— Извините, но я нахожу подобное разбазаривание талантов, данных личности Императором, расточительством. А если Администратум и ненавидит что-нибудь, так это убытки, дорогой капитан.

Внимание Уриэля вновь переключилось на нижнюю часть зала, где некое подобие порядка наконец было восстановлено. Посредник указал своим жезлом на толстяка в напудренном белом парике, ниспадающем на плечи, в то время как визгливая длинноволосая блондинка что было мочи вопила на него. Ури-эль вопросительно поднял бровь, а Перджед пожал плечами:

— Она сидит в кресле, обычно предназначенном для Вергена, поэтому могу лишь предположить, что она его дочь. Я ничего о ней не знаю, — признался эксперт.

Эта женщина была бы привлекательной, подумалось Уриэлю, если бы дала себе труд сдерживать свои порывы. Ухватившись за поручень перед собой, девушка пыталась перекрыть всех остальных членов сената.

— Я требую, чтобы сенат признал мое право говорить от имени картеля Верген! — неистовствовала она. — Как дочь Леотаса Вергена, я требую права быть выслушанной!!!

Посредник явно игнорировал эту женщину, а два бейлифа подошли и встали рядом с ней. Посредник отвернулся и произнес:

— Слово предоставляется... почтенному Тарину Хонану!

В ответ на это объявление с верхних ярусов раздались смешки, а вслед за ними вниз полетели скомканные повестки дня. Толстяка, казалось, такая реакция на слова Посредника весьма расстроила. Он выпятил свою объемистую грудь, громко кашлянул, прочистив горло, и заговорил высоким гнусавым голосом:

— Думаю, что выражу наше общее мнение, присоединившись к гилдеру Талуну и приветствуя наших почтенных гостей на Павонисе. Что касается меня, то я хотел бы предложить им гостеприимство всех моих сельских имений.

— А комитет-то это одобрил, а, Хонан? — выкрикнул голос с противоположной стороны зала.

Комментарий шутника вызвал аплодисменты и смех, и Уриэль заметил, как гилдер Талун с раздражением потирает переносицу, словно поддержка Хо-нана ему неприятна.

Вернувшись на место, гилдер Хонан возложил руки на свой круглый живот. Он был смущен и пристыжен одновременно. Визгливая женщина опять принялась что-то кричать в сторону Посредника, а тот, ударив жезлом в плиты пола, произнес:

— Если с этим вопросом покончено, джентльмены, то первым пунктом в сегодняшней повестке дня значится чрезвычайное предложение, внесенное почтенным гилдером Талун.

На противоположной стороне зала губернатор Павониса вскочила на ноги:

— Посредник, это недопустимо! Неужели вы позволите гилдеру Талуну вот так запросто захватить контроль над процедурой? Я созвала это заседание сената, и право первого голоса принадлежит мне.

— Чрезвычайное предложение имеет преимущественное значение по отношению к праву первого голоса, — невозмутимо возразил губернатору Талун.

— Я знаю правила процедуры! — рявкнула Шонаи.

— В таком случае могу ли я надеяться, что вы позволите мне продолжить, губернатор?

— Я прекрасно понимаю, чего вы здесь добиваетесь, Вендаре. Что ж, продолжайте, будьте вы прокляты!

— Как пожелаете, губернатор Шонаи, — подчеркнуто учтиво ответил Талун. Он встал, широко разведя руки в стороны, пробрался к центру зала, встал на клетчатый пол и принял из рук Посредника предложенный им жезл.

Лишившись жезла, Посредник заглянул в свой инфоблок и произнес:

— Гилдер Талун, я вижу: внесенное вами предложение не имеет заголовка. В соответствии со статьей шестой правил процедуры заседаний, от вас требуется заполнить форму три-два-четыре тире девять в трех экземплярах. Могу я предложить вам сделать это сейчас?

— Приношу уважаемому собранию свои глубочайшие извинения за отсутствие заголовка, но я чувствовал, что объявление темы моего предложения вызовет ненужное предубеждение, если это станет известным до того, как я сам ее сообщу. Будьте уверены, что я заполню соответствующую форму сразу по окончании собрания.

Посредник кивнул в знак согласия, предоставляя тем самым слово Вендаре Талуну.

Тот резко стукнул жезлом в пол.

— Друзья, мы живем в беспокойные времена, — начал он под льстивые аплодисменты. Талун улыбнулся, благосклонно принимая рукоплескания, и, прежде чем продолжить, картинно поднял вверх руки, прося тишины. — На всем протяжении нашей великой коммерческой истории мы редко встречались со столь серьезными угрозами, как сейчас. Мерзкие чуждые налетчики мешают нашим перевозкам, Церковь Старых Принципов взрывает наши предприятия и убивает наших рабочих. Торговое дело превратилось в дело выживания: затраты растут, налоги кусаются еще сильнее и маржа сокращается.

Публика подобострастно кивала оратору, с верхних ярусов даже раздавались громкие возгласы одобрения. Талун же расхаживал по залу, стуча жезлом, чтобы придать своим словам еще больший вес. Далее Уриэль, плохо разбирающийся в тонкостях политики, не мог не отдать должное ораторскому искусству Вендаре Талуна.

— И что же делает наш хваленый губернатор для преодоления этого кризиса? — спросил Талун.

Собрание разразилось страстными выкриками: «Ничего!», «Да плевала она на все!» — и эти слова были еще самыми мягкими из тех, что раздались с верхних ярусов. Талун же невозмутимо продолжал:

— Среди нас нет никого, кто бы не пострадал от ее, мягко говоря, своеобразного финансового режима.

— Мой собственный картель стонет под тяжестью десятинного налога губернатора Шонаи так же, как и другие. Кому, как не мне, знать это? Брат де Валтос, вы сами были атакованы этими презренными чуждыми пиратами, от которых и нам достается, и вас кошмарно пытали. И тем не менее губернатор ничего не делает! Ровным счетом ничего! Сестра Верген, ваш возлюбленный отец был убит во время беспорядков. И тем не менее губернатор ничего не делает! Брат Аброгас, вашего кровного родственника чуть не убили на улицах родного города. И тем не менее губернатор ничего не делает!!!

Солана Верген была слишком удивлена тем, сколь большое значение придал смерти ее отца Талун, чтобы отреагировать на это соответствующим образом, то есть продемонстрировать, как она убита горем. Что касается Бошампа Аброгаса, то он даже не заметил, что оратор упомянул и его имя.

— Наш мир — в осаде, друзья мои. Хищники собираются, чтобы обглодать дочиста нашу планету. Однако губернатор ничего не делает!!!

Слова Талуна были встречены овацией, и Уриэль видел, как два советника губернатора чуть ли не силой удерживали ее на месте, когда Талун повернулся, чтобы в очередной раз обратиться к Посреднику. Вдруг овации смолкли, и в зале внезапно воцарилась мертвая тишина: собрание ожидало, что Талун скажет дальше.

— Посредник! — Голос Талуна принял официальный тон. — Я вношу предложение о вынесении

сенатом вотума недоверия губернатору Шонаи и отстранении ее от должности!..

<http://tl.rulate.ru/book/30591/671936>